

A woman with long, flowing blonde hair is seen from behind, wearing a dark blue, long-sleeved dress with a full skirt. She stands on a grassy hillside, looking out over a vast, colorful landscape of rolling hills and a valley. The hills are painted in vibrant shades of green, yellow, and blue, suggesting a sunset or sunrise. In the distance, a small town or village is visible in the valley. The overall style is that of a digital painting or illustration.

Клавдия Баженова

Из тени Храма Света

Клавдия Баженова

Из тени Храма Света

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71311144

SelfPub; 2025

Аннотация

Кира – молодая послушница Храма Света. В отличие от других послушниц, её отправляют в Путь – священное паломничество, что должно сделать её жрицей – тайно и в одиночестве. Первая задача: найти себе опытных проводников, решается довольно быстро, хоть и не совсем ожидаемым способом. Но чем дальше Кира уходит от Храма Света, тем больше узнаёт о самом Свете, о себе – и о том как устроен мир на самом деле, а не на страницах книг из библиотеки Храма.

Это история о взрослении, о поиске себя, о выборе. О любви, которой не хватает времени, и боли, которую нельзя разделить. О пути, который начинается с одного шага – и может привести к тому, что изменит весь мир.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	39
Глава 3	86
Глава 4	132
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Клавдия Баженова

Из тени Храма Света

Глава 1

Ей казалось, что на кончиках пальцев ощущалась жирная гарь. Она растирала меж собой подушечки, хмурилась, рассматривая кожу, но не наблюдала на ней ничего лишнего. Морщила нос, потянув воздух – кисло пахло томатной похлёбкой и горелым мясом. Горелым... Она зажмурилась до боли, сминая пальцы в кулак, силясь не обращать внимания на неясные воспоминания, что очень не вовремя возникли по ту сторону век. Надо признаться – получилось паршиво. Сухие губы разомкнулись в судорожном вдохе, а глаза, распахнувшись, принялись рыскать по неярко освещённому залу таверны. Пахло здесь, конечно... Но, с другой стороны, неудивительно, ведь на улице холодно, окна закрыты ставнями и выбор между свежим воздухом и теплом для путников даже не возникает.

А ещё здесь было шумно и тесно. Благо, монета позволила ей урвать себе крошечный столик в углу, почти под лестницей. Подальше от больших столов, где глухой звук сопри-

касающихся в тостах деревянных стаканов звучал так часто, что можно было угадать в нём незатейливую мелодию.

И что ей тут делать?.. Она откинулась назад, прислоняясь к стене, капризно складывая руки на груди, в смешной попытке оградиться от действительности.

– Вот, милая, – подошла к столу жена трактирщика, держа перед собой тарелку с дымящимся блюдом и большую кружку подогретого молока. Его пришлось выпрашивать, так как в ходу тут были совсем другие напитки, а молоко нужно было для готовки и собственным детям. Но кошелёк опустел ещё на пару монет, так что вместо разбавленного эля перед ней на столе стояла кружка дымящегося молока.

– Комната твоя готова, как отправишься спать, дочка принесёт кувшин горячей воды. – Женщина подалась к ней, зашептав, – не переживай, засов внутри хороший, мы эту комнату держим для путниц, чтобы всякая... – тонкие губы трактирщицы поджались, – всякая рвань не лезла. Ешь. Остынет.

Она торопливо пододвинула к девушке тарелку и, задержавшись на пару мгновений, словно ещё что-то хотела сказать, всё же отошла от стола, оставляя гостью в покое. Девушка вздохнула, склоняясь над блюдом, втягивая аромат.

Пахло неплохо, правда, недостаточно ярко, чтобы перебить запах мокрой кожи, ткани, немых волос и пролитого алкоголя, что расплзался по всему помещению таверны. И впервые за несколько дней она порадовалась своему голоду, который помог преодолеть брезгливость. В тарелке было несколько клубней запечённого картофеля, пара небольших кусков варёного мяса и кучка каких-то покрошенных сквашенных овощей, который она не опознала.

На несколько секунд застыв, стоило горькому запаху горелой картофельной кожицы ударить внос, она всё же принялась очищать корнеплод, хмуро поглядывая по сторонам. И как ей найти сопровождение? Как определить, кто из этой разномастной толпы может оказаться головорезом, а кто знает, что такое долг, честь и прочие штуки, что ограничат желание ткнуть чем-нибудь острым под ребро случайному встречному? Не подходить ведь к каждому. Может, вскочить на стол и потребовать внимания? И... а что дальше? Рассказать какую-нибудь историю, почему она вдруг тут оказалась, попросить помощи и уповать на порядочность? Нет. Здесь так нельзя. Нужно действовать наверняка. Но, видимо, Мать-Настоятельница попросту забыла дать ей практические советы, ограничившись наставлениями и кошельком с монетами.

Девушка жевала соленья, исподлобья рассматривая часть

зала таверны перед собой, останавливаясь то на одном, то на другом госте, отмечая расовые особенности, но не понимая, как выявить негодяя или наоборот кого-то, кто сгодился бы для её дела. Этому, кажется, её тоже забыли обучить. Зато она запросто могла определить разницу между солнечным эльфом и высшим, сидящими за длинным столом около стены в компании молчаливых солдат. Только что ей это могло дать? Ну, она по эмблеме на щитах некоторых воинов определила их принадлежность. Но и это не особо помогало! Ничего не помогало!

Она сделала несколько больших глотков чуть остывшего молока и со стуком поставила кружку на стол. Звук оказался громким, но он потонул в гомоне голосов и прочего шума, и, кажется, никто не обратил внимания. Ключевое слово – кажется.

Когда тарелка опустела полностью, а кружка на половину, она скорее ощутила, чем увидела, чей-то взгляд. Долгий, пристальный, тяжелый. Мурашками по коже скользнуло понимание того, что за ней наблюдают. Тело напряглось, напившись страхом, готовностью бежать. Досада искривила губы: она отдала свои вещи трактирщице, чтобы та унесла их в комнату, так что бежать не получится. Но что делать?.. И скорее облегчением, чем ужасом окрасилось появление того, кто на неё смотрел. Точнее, сначала она увидела движение

на противоположной её столу стороне зала. А после это движение обрело форму явно нетрезвого, видимо, полукровка, так как он был достаточно крупным для человека, но для орка всё же мелковат. Да и клыки были маленькими. И явно подточенными. Но цвет кожи, широкая челюсть, крупные и выпирающие надбровные дуги явно говорили о том, что перед ней полукровка. И, кажется, он был один. Что вроде как радовало, но улыбки на её лице не возникло. Особенно, когда полукровка к столику подошёл вплотную и позволил себе схватиться за стакан, сунув свой коротковатый и приплюснутый нос, любопытничая о содержимом. Скривился, обнаружив вместо выпивки молоко, поймал взгляд девушки, поставив нетвёрдой рукой стакан на стол, отчего тот упал, и остатки молока разлились по столу, собираясь на краю в тугие капли.

– У меня ничего нет, – зашептала девушка, стараясь выглядеть убедительной. – Я отдала последнее за еду и ночлег. У меня нет ничего ценного.

Она не знала, стоило ли ей кричать и звать на помощь. Можно было уповать на солдат, но станут ли они встречать? Ведь это явно не городские стражи. Здесь вообще есть стражи?

– Ну, у тебя, очевидно есть комната, – голос его был скри-

пучим и противным, мало что общего имеющим с грудным орочьим басом. Полукровка перегнулся через стол, заставив девушку отпрянуть и вжаться в стену.

– Ну, так-то она мне нужна, – запротестовала она, хотя разумнее было не протестовать. Но мастерству ведения диалогов в подобных случаях её также не успели обучить, так что оставалось надеяться на вмешательство если не высших сил, то хоть каких-нибудь.

И ей очень, очень, очень не хотелось драться. Да и не умела она, чего уж тут. Тем более, куда ей, с её птичьими тонкими костями против полу-, но всё же орка? Здоровущий, страшный и страшно, страшно вонючий. Посему машинально морщила нос, вжималась в стену и с каким-то тупым отчаянием чувствовала, как наливаются тяжестью кончики пальцев, реагируя на пробуждающуюся от опасности магию. Помощь, насмешкой судьбы, пришла совершенно с неожиданной стороны: с обстрела обидчика. В момент, когда громила получил по лысой макушке первый удар, девушка, признаться, сама вжала голову в плечи, напуганная произошедшим, а после принялась озираться, чего сделать, увы, особо не получалось из-за полуорочьего тела, загораживающего обзор. Но когда неизвестный стрелок метко попал в темечко приставучего пьяницы ещё раз, заставив того отпрянуть от девушки и начать осматриваться, ей всё же удалось скольз-

нуть взглядом по залу. Увы, кроме нескольких пар заинтересовавшихся происходящим глаз она ничего не обнаружила. И это внимание её испугало даже больше, чем здоровенный полукровка. Но, кажется, посетители таверны куда сильнее были увлечены «обстрелом», чем её личностью, так что через несколько секунд, всё ещё напуганная, она даже вдруг улыбнулась очередному попаданию в голову полуорку. Который, к слову, хоть и пытался вернуться к посягательствам на её комнату, в один момент разразился такой бранью, что девушка аж вспыхнула, не ожидавшая таких витиеватых фигур речи. Да, хоть такому Мать-Настоятельница и не учила, девушка всё поняла, отчего покраснела ещё сильнее.

Но страх чуть отступил, ладошки перестали гудеть, и когда её неожиданным «знакомым» занялась наконец-то зашедшая в таверну стража, выволакивая его прочь, девушка осмотрелась, натываясь на чуть прищуренный взгляд красновато-желтых глаз. Неприятный надо сказать взгляд, да и тот, кому он принадлежит тоже... не вызывал доверия. Нет, она видела полуросликов ранее, но этот был на редкость отталкивающим. И он только что позвал её кивком за свой стол, явно давая понять, что помог ей не просто так. Или просто так? Зачем он вообще начал её «спасать»? Ему что-то нужно? Или он мог ли заметить на улице и прийти следом, выслеживая её? Может, это полурок на самом деле не зная того спасал её от настоящей опасности? Потому что этот по-

лурослик...Странный. Сознательно полез на полуорка, будучи явно мельче того. Значит, умеет драться. Ну, или быстро бегать. Или откупаться. Девушка пыталась по внешнему виду понять, богатые ли на «спасителе» одежды, но вот так, издалека, не щупая ни материал ни выделку... Да откуда она знает?! А если и хорошие, то его ли, а может украл? Или убил кого-то и снял. И её убьёт. Но на ней ничего не было, что можно забрать себе. Никаких украшений, ничего. Ну, хорошо, платье выглядело прилично, оно тёплое, с вышивкой на горловине...

«Провались!» – зашептал внутренний голос. На тёмно-синей шерстяной ткани платья был вышит шёлковой нитью золотистый крестострел, символ её Храма. Девушка стянула губы в нитку, уверенная, что её раскусили. Какой промах! «Так, спокойно... – лихорадочно забились в голове мысли, – ты ничего не сделала плохого, и ничего страшного нет в присутствии послушницы Храма Света в таверне. Даже, если подумать, наоборот, для хозяина это благословение... Трактирщица! Она точно поняла. Поэтому так любезна. Поэтому... ей что-то нужно. И ему что-то нужно. Им всем что-то нужно» Девушка пыталась понять, как вежливо отказаться от его приглашения, но, прежде чем она решилась попросту помотать головой, перед столом возникла жена трактирщица, заминая в кулак засаленное тонкое полотенце.

– Простите, милая, что так вышло, – заискивающе начала женщина. – Он не сильно побеспокоил вас?

– Нет... – забормотала послушница, – мне... мне помогли, – она подумала, что не стоит кивать в сторону своего спасителя, хотя его наверняка видела вся таверна. – Всё хорошо. Я готова идти к себе, вы можете сказать...

– Да, я скажу, но... – перебила её трактирщица, – я, простите... я хочу попросить кое-что, я ведь не ошибаюсь, что... – женщина кивнула на горловину платья, заставив девушку неосознанно прикрыть крестострел рукой, закивав головой. – Значит, вы обучены исцелению?..

– Да, я... да, но, – зашептала та испуганно.

– Пожалуйста, госпожа, – обратилась трактирщица к девушке явно не по статусу, но с такой мольбой в голосе, что на её глазах выступили слёзы, – моя младшая дочка, она... Пожалуйста, я сама знаю целебные травы, но мои настои не помогают, пожалуйста...

– Хорошо, хорошо, тише, – забормотала девушка, настоженно осматриваясь. Но в таверне было шумно, и сцена не привлекла особого внимания. Она поднялась, выходя из-за стола. – Ведите.

Уходя след за трактирщицей, послушница обернулась к своему спасителю, выхватила взгляд и пожалала плечами, мол, ничего не могу поделать. И это даже не было ложью. Она то-ропилась за женщиной, которая вводила её в неприметную дверь, что вела не в кухню, а в жилые комнаты. Здесь было гораздо тише, чем в зале таверны, воздух был тяжелым и пропитанным запахом целебных трав. Девушка потянула носом:

– бузина? – пробормотала она, – какая хворь у дочери?

– Не знаю, – качнула головой женщина, – температура держится четвёртый день, рвёт, плохо дышит, почти не пьёт. Сюда, пожалуйста.

Послушница вошла в комнатку, отгороженную не стеной, но плотной тканью. В комнатке стояло несколько тусклых свечей, создающих полумрак, в котором угадывалась низкая грубо сколоченная кровать, на которой виднелся закрытый одеялом ребёнок. Присутствие болезни ощущалось кожей, девушка морщилась, опускаясь на колени перед малышкой, на вид лет трёх.

– Как её зовут?

– Тенни, госпожа.

– Я не госпожа, – нахмурилась девушка, а затем обратилась к девчужке. – Тенни, здравствуй...

Та заворочалась, просыпаясь, повернулась на голос, распахнула болезненно блестящие глаза. Послушница пощупала кончиками пальцев лоб, на который налипли светло-рыжие прядки волос, чувствуя, как горяча кожа малышки. Её учили лечить разные болезни, и сейчас она чувствовала, что может помочь Тенни. Ей не нужно даже разбираться, что это за хворь, потому что это не особо важно. Дело к весне, дети часто болеют. И если не вмешаться, то эта девочка станет одной из тех, кто в нежном возрасте не переживает очередную зиму.

– Хорошо, – закивала послушница, выдыхая, а затем посмотрела на мать ребёнка, повторив, – хорошо, я помогу. Тенни, ложись на спинку. – Она помогла девочке перевернуться, а затем задрала её тонкую влажную рубашку. – Вот так, молодец.

Девушка прикрыла глаза, положив на грудь ребёнка ладонь, что в полумраке комнаты казалась серебристо-белой. И через мгновение очертание тонких пальцев стёрлись разливающимся из-под ладони светом. Свет освещал тело ре-

бёнка, кровать, комнатку, затапливал всё пространство, а, самое главное, выжигал из девочки всю хворь. Та, сначала испуганно захныкав, через мгновение начала ровнее дышать, а жар начал спадать. Чувствуя, как болезнь отступила, девушка отняла ладонь от тела малышки и свет погас, оставляя перед глазами плясать яркие пятна.

– Мама?.. – зашептала девчужка, испуганно рыская глазами по полумраку.

– О, я здесь! – всхлипнула женщина, падая перед кроватью на колени, – я здесь!

Девушка поднялась, отступая от них, улыбаясь тому, что смогла помочь.

– Спасибо, спасибо, госпожа, – отпустив дочь, кинулась в ноги послушницы трактирщица. – Спасибо!

– Я не госпожа, – мягко коснулась волос женщины она. – Меня зовут Кира, я простая послушница.

И когда, чуть успокоившись, жена трактирщика отвела девушку обратно в зал, та мельком взглянула на посетителей таверны, надеясь, что её магия осталась никем не замеченной. Но интерес людей был сосредоточен на новом лице в

таверне: рядом с полуросликом сидела женщина, и они тихо, но с жаром спорили. Женщина подняла голову, поймав направленный взгляд Киры, но та отвела глаза, поторопившись к себе и надеясь, что ей удастся спокойно поспать.

***

А на окраине городка, поодаль от таверны и людных улиц, где начинались фермерские хозяйства, в одном из домов на кровати лежал другой ребёнок. Одного возраста с Тенни, и, похоже, поражённый то же заразой. А рядом с ним уже который день без отдыха крутилась женщина, всем своим естественным стремясь облегчить состояние сына.

Его жар всё никак не уходил. Мать убрала ставший тёплым компресс, приложила ладонь ко лбу мальчишки, чувствуя какую-то опустошающую безнадежность. Курносый, усыпанный веснушками нос ребёнка с присвистом часто-часто тянул воздух, глаза беспокойно дёргались под тонкими веками, а на пухлых маленьких губах образовалась белёсая корочка. Женщина прикрыла глаза, сжимая в руках мокрую тряпицу компресса. Капли воды просочились меж пальцев, упали на пол, впитываясь в сухие деревянные доски. Она поднялась на ноги, одёрнула юбку, замерла на несколько се-

кунд, прежде чем отойти от кровати сына, будто боялась, что пока она будет отсутствовать что-то может случиться. Но всё же отошла, дёрнув скрипнувшую дверь, резко и глубоко вдыхая прохладный вечерний воздух. С улиц городка доносились редкие звуки, голоса, скрип колёс, лошадиное фырканье. Женщина мельком глянула в сторону хлева, прислушавшись. Со дня на день должна опороситься молодая свиноматка, но хозяйка надеялась, что это не произойдёт сегодня ночью, ей и без того хватало забот. Она прошла чуть дальше от входа, ступив в ещё не потревоженный весной и солнечным светом снежный покров. И принялась собирать почти вслепую снег в тряпицу, чтобы сделать очередной компресс. Лихорадка не отступала уже третий, а то и четвёртый день. Ни отвары, ни зелье, на которое пришлось раскошелиться. Ничего. Ей стало очень холодно и страшно, руки заломило болью, и женщина заспешила вернуться, сминая окоченевшие пальцы в кулак, чтобы хоть как-то согреть. Споткнулась, падая в снежную застывшую жижу, едва ли удержав на весу кулёк со снегом. Не поддавалась эмоциям лишь от того, что в доме на кровати сопел ребёнок, которому она могла помочь только этим треклятым компрессом. А поэтому поднялась, вваливаясь обратно в дом, отряхивая юбку от грязи и снега, подошла снова к сыну, опускаясь на пол и прикладывая завёрнутый в тряпицу снег к горячему лбу. Ничем больше она помочь не могла.

Муж женщины, вечер проведший в таверне, спешил домой изо всех сил, чтобы рассказать той, о чём узнал от трактирщика, дочь которого третий день жрала похожая неведомая хворь. Гаст-трактирщик, по его же словам, сказанным шепотом и украдкой, сначала сам не поверил жене, но как увидел малютку Тенни в бодрости и здравии, убедился. И был не согласен с супругой на счёт того, что сначала нужно спросить у белокурой госпожи разрешения, а потом уже все трепать. Но как тут не трепать, когда у стольких семей болеют младшие, а то и единственные дети? Поэтому рассказал сначала Стерсу, с чьим сыном Тенни родилась в один день. Тот не поверил другу на слово, но потом увидел девчушку, с аппетитом уплетающую лепешку с молоком, и поспешил домой. Нужно собрать ценности, всё, что они могут дать жрице. Брехня, что говорят, что им ничего не нужно. Всем что-то нужно.

Когда друг убежал из таверны, Гаст осмотрел зал: белобрысая девчонка ушла наверх, ей ещё ранее жена подготовила комнату. Полуорк Гинз вряд ли вернётся, меж посетителями прошёлся шепот, что стражи скинули того в реку. Таверна чуть опустела. Разошлись завсегдатаи, кто по домам, кто по комнатам. Ушёл отряд солдат в компании двух остроухих, которым явно не по нраву была здешняя погодка. Мужчина кривовато улыбнулся, вытирая трактирную стойку мокрой тряпкой. Он не имел ничего против эльфов, тем бо-

лее, учитывая близость к столице, а также к горным дорогам, и прочие-прочие факторы, но всё же...

– Па? – раздалось со спины, заставив мужчину повернуться, заткнув тряпку за пояс видавшего вида фартука.

– Да? – Он улыбнулся, посмотрев на сына. Тот с месяц назад отметил десятилетие и только начал помогать в таверне и мог ещё устать. – Утомился? Поди спать.

– Нет, я ещё...я ещё нормально, – мальчишка насупил брови, – тот господин-полурослик, что закидал камешками Гинза, он просит для себя и спутницы комнату. Одну из свободных заняла светлая леди, но в дальней сегодня никто не останавливается. Я могу подготовить, я ещё не устал.

– Ты лучше останься тут, я комнату сам гляну. Если что, позови мать, она с Тенни.

– Хорошо, – чуть огорчённо согласился паренёк. Он забрал у отца тряпку, принявшись вытирать стойку, а сам Гаст отправился наверх. На втором этаже был крошечный зал около лестницы, куда выходили две двери комнат и коридор, в котором скрывались ещё три двери. Четыре комнат были заняты, но в конце коридора оставалась одна, туда-то трактирщик и пошёл, чтобы проверить её состояние после по-

следних гостей. У двери висел фонарь, который мужчина зажёг и взял с собой, заходя в комнату. Под низким потолком виднелось окошко, что было закрыто ставнями. В комнате было тепло так как здесь проходил дымоход из очага на кухне. Гаст потрогал кирпичную кладку у одной стены, в очередной раз убеждаясь в том, что его прадед был прав, проектируя трактир подобным образом. Получалось сэкономить на обогреве, и никаких дополнительных каминов в комнатах не требовалось. Нет, конечно, в суровые зимы они выдавали постояльцам грелки на ночь, но сейчас, когда весна всё же постепенно, но наступала, этого уже не требовалось. Мужчина проверил шкаф, а также небольшой, закрывающийся сундук, и что немаловажно, замок на нём. Гаст дорожил репутацией, не хватало ещё, чтобы его гостей кто-то обворовывал. Благо, оконца в комнатах небольшие, вряд ли даже обычный мужчина пролезет, не говоря уже о здоровяках, как он сам, например. Также в комнате была крепкая кровать с довольно мягким тюфяком, и стол, на котором стояли свечи и лампы, если потребуется больше света. Удовлетворённо хмыкнув, он вышел обратно, вернув уже зажжённый фонарь на крючок на стене, и двинулся к лестнице, прислушиваясь к происходящему в комнатах. Не любопытства ради, а порядка для. Но вроде как всё было спокойно. Он подумал было о том, что нужно зайти к девчонке, что вылечила его дочь, но он был уверен, что успеется.

Стерс же нашёл жену в том же положении, в котором её оставил несколько часов: на коленях у кровати сына.

– Мирида, – шёпотом позвал мужчина, подходя к ней. – Мирида, дочка трактирщиков выздоровела.

Женщина вздрогнула, поднимая на мужа невидящий взгляд, а после поднялась сама, хмурясь.

– В трактир жрица наведальась. Хинес её распознала, и попросила помочь. Та руки наложила и всё. Отошла хворь.

– Приведи её, – женщина кинулась к мужу на грудь. – Приведи её немедленно!

– Я попробую. Но нужно что-то дать, нельзя ж просто так, нужно как-то...

– Всё забирай. Стерс, всё, что считаешь нужным забирай.

Он и забрал. Серебряное кольцо с лунным камнем и посеребрённое блюдо с узором по бортику. Положил в холщовый мешок и вернулся в трактир. Спросив у Гаста, где находится жрица, скользнул на второй этаж и остановился у двери, ведущую в занятую девушкой комнату.

Кира же, поднявшись из зала таверны, и даже не догадываясь о том, что за пределами её комнаты разворачиваются в какой-то мере связанные с ней события, пыталась убедить себя, что поступила правильно. И не могла поступить иначе. Разве могла дать погибнуть ребёнку? И остаться на ночь в этом трактире, зная, что ничего не сделала. Хотя у неё была такая возможность. Вдруг она привлекла к себе лишнее внимание? Вдруг в трактире были те, кто может почувствовать применение магии? А с другой стороны – ну и что? Да Храм Света тут в двух днях пути! Разве такая уж неожиданность встретить тут жрицу?

– Послушницу... – прошептала Кира собственным мыслям. – Не жрицу. Послушницу.

Она выдохнула, опускаясь на кровать, закрывая лицо руками. Как она вообще тут оказалась? Почему нельзя было дожидаться общего паломничества с другими сёстрами? Разве её ситуация действительно имеет такую важность? И раз она имеет такую важность, как Мать-Настоятельница могла попросту взять и отпустить её в одиночестве? Ищи, Кира, себе проводников сама. «И торопись, дитя, время не на твоей стороне» – раздалось в голове наставление женщины. Девушка замотала головой, усмехаясь.

– Не на твоей стороне, – бормотнула она, поднимаясь. На столе лежали её вещи: заплечная сумка, пояс с подсумками, кошель, тёплые варежки, которые ей оказались большими и неудобными.

В дверь постучали, заставив послушницу дёрнуться на месте.

– Это Имфа, я воду принесла, госпожа, – раздался девичий голос с той стороны. Кира кинулась к двери, снимая засов, и потянув на себя створку. Действительно, в коридоре стояла девушка, чуть младше её самой. В руках та держала кувшин, а через локоть было перекинута полотенце. Улыбаясь, она вошла в комнату, поставив кувшин на столик, на котором уже стоял небольшой таз для умывания, а полотенце повесила на крючок на стене. Затем она повернулась к послушнице, – вам что-то ещё нужно?

– Нет, спасибо, этого достаточно, – закивала Кира, стоя около двери.

К счастью, Имфа не стала задерживаться и покинула её комнату, оставляя послушницу в одиночестве. Девушка подошла к кувшину, наливая из него тёплую воду в таз, а затем с большим удовольствием смыла с лица сегодняшней день. С ещё большим удовольствием она бы забралась в тёплую

воду в какой-нибудь купальне, но в этой таверне такая роскошь вряд ли доступна. Но в порту или в столице точно можно будет найти нечто подобное. А пока придётся довольствоваться тем, что есть. Кира разулась, стянула шерстяное платье, оставшись в нижней тонкой рубаше, что была чуть ниже колен. И тут же покрылась мурашками, хотя в комнате было относительно тепло. Она забралась в кровать, закуталась в шерстяное одеяло, и немного полежала, прислушиваясь к звукам в таверне. Внизу кто-то разговаривал, за стеной кто-то храпел. Она закрыла дверь? На засов? Страх поднял девушку на ноги, но стоило ей подойти к двери, как с той стороны раздался стук. Отпрянув, послушница прижала руки к груди, прислушиваясь. Снова Имфа? Нет. Звук другой. Сильнее. Постучали снова.

– Кира?... – раздался с той стороны голос трактирщицы, и девушка шагнула к двери, распахивая ту. Но на пороге женщина была не одна. Незнакомец с холщовым мешком в руках мялся в коридоре, опустив глаза. Около него, с кириным плащом в руках, стояла трактирщица, заискивающе улыбаясь. И прежде, чем послушница догадалась, в чём дело, мужчина заговорил:

– мой сын болен, – чем вызывал тяжелый вздох у девушки, которая только сейчас сообразила, что стоит в неподобающем виде. Жена трактирщика подумала о том же, зайдя в

комнату и накинув девушке на плечи плащ. Нагретый, видимо, от печи или очага, тот тёплой тяжестью лёг на спину.

– Он маленький совсем как моя Тенни, – зашептала женщина, сжав руку Киры. – Такого же возраста, родились в один день. Заболели в один день. Помогите, госпожа.

– Помогите, – эхом вторил мужчина, выудив из мешка серебряный поднос, – это всё, что есть, пожалуйста, помогите.

– Я... я не, – попятилась Кира, с ужасом понимая, что этот мужчина может быть не единственным, кому трактирщица рассказала о случившемся. – Пожалуйста, никто не знает, что с ним.

– Вы вылечили Тенни магией Света, вылечили и она уже спит, наконец-то поела и спит, помогите ещё одному ребёнку, госпожа

– Я не госпожа, – шептала Кира, чувствуя, как сердце заколотилось в горле, а кончики пальцев стали тяжелыми. – Я не могу... простите...

– Пожалуйста, – мужчина сделал шаг в комнату, вытаскивая след за подносом кольцо, с мерцающим камнем, – возьмите, госпожа жрица, возьмите в благодарность, пожалуйста,

помогите.

– Я не могу, – девушка замотала головой. Как объяснить им, отчаявшимся, что сегодня ночью вылечив ещё и мальчишку, ей придётся завтра принимать всех болеющих детей, а ей нужно идти. Что жизни этих детей, такие бесценные для родителей, никак не важнее той миссии, что Мать-Настоятельница на неё возложила? «Разве не важнее?» – шепнуло что-то в груди. Кира прикрыла глаза, вздыхая.

– Никто не может помочь, ему всё хуже и хуже, – бормотал мужчина, не зная, что ещё предпринять. – Дети умирают. Вы можете помочь. Помогите.

Ей стало очень тяжело дышать. Казалось, ещё одно «пожалуйста» и внутри что-то взорвётся. И оно могло. Напряжение последних дней, дорога, отсутствие хоть какого-то видимого продвижения. Это всё ворочалось внутри, натягиваясь струной, что вот-вот могла лопнуть.

– Хорошо, – обречённо выдохнула Кира. – Подождите, я... мне нужно одеться, – она пожала плечами, закрывая за вышедшими дверь.

И злилась, о, как она злилась на себя, на собственную слабость и нерешительность. Одевалась, обувалась, распускала

растрёпанные волосы, что рассыпались светлой гривой по спине. Сверху на платье она накинула высохший плащ и вышла в коридор. И вот, спустя несколько минут, она в сопровождении трактирщицы и безутешного отца, девушка снова оказалась на первом этаже трактира, что изрядно потерял в гостях, но ещё не был пустым. А следом, накинув на голову капюшон, Кира след за мужчиной вышла на улицу, где вечерняя темнота достаточно быстро их поглотила.

Она нервничала, конечно, осматривалась по сторонам насколько позволял большой капюшон. И постоянно догоняла мелкими перебежками идущего впереди мужчину. Темно, звездное чистое небо выхватывало остатки сверкающего снега, чуть-чуть освещая улицу. Но широкая дорога, по которой путники шли в сторону фермы, была раскатана повозками и представляла собой тёмное грязное месиво, и куда ставить ногу следующим шагом Кира попросту не видела. Поэтому немудрено, что поскользнулась, но успевала удержать равновесие, догоняя широкий мужской шаг своими маленькими торопливыми шажками.

«И зачем подписалась...»

А вдруг никакого сына нет? Вдруг это головорез, то ведёт её к своим? Вдруг решил ограбить, или ещё чего похуже, а вдруг... И Кира чуть замедлила ход, пытаясь рассмотреть

в темноте спину мужчины, – вдруг это знакомые того полурка? Да, его выволокли наружу стражники, но что ему мешало подослать друга? Нет. Трактирщица не похожа на преступницу. Она не стала бы. Не после того, как Кира спасла её дочь. Во всяком случае, послушнице очень не хотелось в это верить, и после короткой паузы она поспешила следом за чуть отдалившимся фермером.

И минут через десять в окружении пока ещё заснеженных полей, а чуть дальше и полей, показался чёрным силуэтом дом. На тёмно-синем сверкающем звёздами небе ярко выделялся сероватый клубящийся из трубы дым.

– Пришли, госпожа жрица, – выдохнул мужчина, не поворачиваясь, но прибавляя ход. Девушка вздохнула, но не стала поправлять его «жрицу» и «госпожу», так как сейчас это не имело смысла. Да и в целом, наверное, тоже. У порога их встретила женщина. Лицо её, бледное, худое очень выделялось на фоне ночной темноты и стены дома. Она молча приоткрыла дверь, откуда сразу же пахнуло уже знакомыми Кире травами (видимо, всех детей лечили по одной схеме), а ещё почему-то свежим хлебом, будто только что испечённым.

– Сюда, сюда, госпожа, – зашептала женщина, пропуская Киру в дом, и показывая рукой на угол комнаты, где на

кровати лежал ребёнок. В доме было светлее, чем в каморке в трактире. Масляных ламп было больше, а ещё горело несколько свечей. Послушница мельком осмотрела убранство дома: здесь было куда уютнее и чище, чем в трактире.

А вот мальчонке явно было хуже. Если Тенни выглядела просто болезненной, то у сына этих людей хворь начала проступать буквально на коже. Кира нахмурилась, опускаясь на колени около кровати, дотронувшись до лба мальчишки. И одёрнула тут же руку, не от жара, а от... присутствия? Нет... тут нужно какое-то другое определение, что вертелось на языке девушки, пока она рассматривала ребёнка. Одёрнула одеяло, рассматривая голый торс. Сетка тонких сероватых вен билась под бледной, будто прозрачной кожей. Что-то тут не так... Она несколько раз щёлкнула пальцами, прежде чем на их кончиках появился, формируясь в маленький шарик, свет. Такими шариками света ребятня играла в Храме в салочки, или использовала как ночник, когда строгие сёстры наказывали спать и тушили свечи. Яркий, пусть и недолговечный источник света.

– Заболел в один день с Тенни?.. – Шарик сорвался с кончиков её пальцев, зависнув над плечом. Кира не отводила взгляд от мальчишки. Он выглядел хуже.

– Да, госпожа. Одновременно. Они ведь и родились в один

день, играют всё время, а тут на прошлой неделе со старшими ребятами, будь они неладны, паразиты, повадились к шахте ходить, мы туда не разрешаем, нечего им там делать, мешаться под ногами. Вымокли все, прибежали тогда распахнутые, распаренные, мокрые. А через пару дней слегли, да не только они, несколько детей... некоторые не выжили, простыли все, видимо, или подхватили чего...

– Видимо, – эхом повторила Кира, вздыхая. Разом заболели дети части городка? Какой-то бред. Нужно написать в Храм, нужно, чтобы сюда прислали кого-то, у кого больше времени на это всё. А ещё можно послать весточку к магам в столицу, можно попробовать связаться с... «Так, стоп. Это не твоя забота. Вылечи ребёнка и уходи спать. А завтра уезжай отсюда, тебе ещё до порта добираться»

Послушница растёрла ладошки между собой, а потом приложила одну к груди ребёнка, ослабляя контроль, позволяя себе стать проводником силы, улыбаясь и наблюдая, как из-под её ладони по телу мальчонки начали расходиться волны золотистого света. И тот пришёл в себя, зашевелился, захныкал испуганно, когда открыл глаза и увидел незнакомое лицо, а послушница убрала ладошку, которая тотчас перестала светиться.

Она поднялась, уступая место женщине, что кинулась к

ребёнку. Так странно. Дважды за сегодняшний вечер она спасла кому-то жизнь. Действительно спасла. Сама. Девушка не слушала особо благодарностей, отходя от кровати и пятясь в сторону двери. Ей нужно вернуться в таверну и всё же чуток поспать. Внутри рождалось понимание, что завтра она никуда не уедет, и хорошо если весть об исцелении уже не разлетелась по семьям, где болеют дети, и ей действительно удастся поспать. Но почему-то это понимание, хоть и пугало, всё же не ввергало в ужас. Она задержится ненадолго. Корабли отходят достаточно часто. Кира отказалась от протянутых подноса и кольца, но попросила, чтобы её проводили. Шастать по улице в одиночку ей не особо хотелось. Но когда девушка вышла за дверь в компании заметно повеселевшего отца семейства, и они успели отойти на несколько шагов, за спиной громко хлопнула дверь и раздался женский окрик. Мальчонке стало хуже.

Кира бросилась назад, опережая оцепеневшего отца. Ребёнку явно было плохо. Серые венки, что Свет, кажется, стёр, взбухли, лицо было бледным, а глаза закатились. Его трясло, а тонкие как веточки ручки и ножки изгибались в суставах. Послушница похолодела, бросаясь к кровати и снова прикладывая руки, на этот позволяя Свету струится более сильным потоком. Тело ребёнка окружило искрящееся свечение, и сам он будто засветился изнутри. И в яркости собственной силы Кира увидела неясный силуэт. Едва ли при-

метный, но всё же достаточный для понимания того, что при первом касании ей не показалось. Значит, это не простуда.

Девушка отняла руки от ребёнка, который задышал ровнее и снова захныкал, потянув руки к матери. Послушница сделала шаг к середине комнаты, складывая руки в молитву и позволила Свету озарить всё помещение ярким светящимся куполом. Тень-силуэт метнулась в угол, а после, скользнув по стене, скрылась в щели приоткрытой входной двери. Кира шагнула следом, не особо понимая, что ей нужно делать.

В густой чернильной ночи найти тень не представлялось особо возможным, и девушка беспомощно осматривалась по сторонам, пытаясь в темноте и сверкающем снежном ковре найти хоть какое-то присутствие. И оно дало о себе знать. Возмущённым кудахтаньем из хлева, где через секунду испуганно заблеяли овцы. Подобрав юбку, чтобы не набрать лишнего снега, девушка бросилась туда, чувствуя, как покалывает ладонки и крутит запястья. Да, пару кораблей, пожалуй, придётся пропустить, но что поделать.

Её никто не учил нападать. Применять силу против кого-то, направлять Свет в сторону обидчиков. Да и не было их, обидчиков-то. В Храме среди ребятни, конечно, постоянно были и ссоры и драки, но где их не бывает между детьми? Мать-Настоятельница, конечно, твердила, что Свет – это не

только про благодать и исцеление, и что к той форме силы, которую Свет может принять, если того требует момент, стоит относиться с вниманием и осторожностью. Кире было пять, когда она впервые увидела у порога Храма представителей Паладинского Ордена, пришедших за детьми. Отбирали, смотрели, чуть ли не по косточкам разбирали, проверяя, подходят или нет. Мать-Настоятельница страсть как не любила их появления, но почти всегда соглашалась с их выбором. И отпускала мальчишек и девчонок вместе с закованными в золотистые доспехи воинами, долго смотрела им вслед, а потом запиралась в своей келье, и даже не спускалась к ужину. Кире было десять, когда на неё обратили внимание. Ей тогда казалось, что это очень неудобно – в тяжелой бряцающей броне опускаться на одно колено перед девчонкой, протягивать ей руку в латной перчатке. Ей казалось, что в таких доспехах ужасно холодно. Кира хмурила светлые брови, выхватывая мерцающий в прорези забрала шлема золотистый светящийся взгляд. Она пряталась за взрослых, хваля плотную ткань платьев сестёр и никуда не хотела идти. Шуму тогда было... А ещё была золотая пыльца, что оседала на светлом каменном полу после того, как Мать-Настоятельница сказала категоричное «нет» главному среди представителей Паладинского Ордена. Кира не хотела становиться паладинкой. Она, признаться, и жрицей-то становиться не хотела, но тут особо-то выбора уже не было.

Как и этой ночью, когда нагребла всё же в сапоги снега, приваливаясь со всей силы плечом к двери хлева. Зашипела от боли – уж больно тяжелая была дверь, не поддавшаяся первому толчку. Но поддалась второму, и послушница сделала шаг внутрь, поскользнувшись на пороге и рухнув на карачки. В нос ударил запах прелого сена, шерсти, помёта, ладошки вляпались во что-то мезко-скользкое. Кира морщилась, поднимаясь. «Платье испортила» – мелькнула в голове совершенно неуместная мысль, пока пыталась щелкнуть пальцами. «Светлячок» всё никак не хотел появляться, и девушке приходилось ориентироваться в редких кратких всполохах света у рук, пытаясь оценить обстановку. Хлев был небольшим: три овцы в загоне справа, несколько свиной слева, а впереди сооруженные насесты для кур, что кудахтали громче всех и суетливо хлопали крыльями. Наконец-то с пальцев сорвался шарик света, поднимаясь по руке и замирая над плечом. Кира щурила глаза, осматриваясь. Под ногами – влажное грязное сено, да и в загонах у животных не убрано. Впрочем, не удивительно, хозяйке явно не до того последние дни. Девушка отёрла руки об уже грязное платье. Кто её возьмёт на корабль в наряде, пахнущем навозом? Она двинулась к противоположной стене хлева, заглядывая в загон к животным. В золотисто-белом разливающимся от шарика свете глаза скота отсвечивали зелёным или голубым. Но вот в самом дальнем углу, куда пока ещё не добрался свет... оказалось слишком много глаз. Кира сначала

подумала, что это куры, но мелькнувшие справа глаза птиц отсвечивали ярко-жёлтым. А не рубиново-красным. Стало очень жутко. До какого-то странного оцепенения, до онемения конечностей. Кира нахмурилась, заставляя себя сделать ещё один шаг, и словно натыкаясь на плотную темноту, хотя, может, это всё страх, не позволяющей ей двинуться вперёд. Там, в углу хлева что-то определённо было. И это что-то очень не нравилось девушке. Пугало до одури, но отчего-то злило больше.

– Уйди, – не совсем понимая, к кому обращалась, разлепила Кира губы, чувствуя, как руки становятся тяжелее, словно с каждым ударом сердца в них что-то копится. Она не знала, что делать. Животные продолжали беспокойно метаться в загонах, куры кудахтали, а за спиной слышались голоса фермера. Рваные пляшущие тени появились на полу хлева – то хозяин нёс в руках факел и торопился подойти ближе. Это не понравилось обоим: и Кире и темноте. Но прежде чем вторая успела каким-то образом броситься вперёд, целясь ни то в неё, ни то в мужчину за её спиной, Кира выставила руку вперёд в неосознанно-защитном жесте. И вместе с поднятой рукой перед девушкой словно выросла невидимая стена, сверкнувшая яркой золотой вспышкой, когда неформенное нечто о неё ударило. С вполне себе явным глухим звуком ударило. Значит, не показалось, значит, действительно что-то было. Страшное, красноглазое, жрущие детей.

И это понимание вдруг захватило всё внимание девушки, заставляя её сильно топнуть, отчего от неё снова прошла вспышка на этот раз освещающая хлев, пугающая животных. И кого-то в тёмном углу. Кира топнула ещё раз:

– Уйди! – вложив в свой голос несвойственную ей сталь, сжав кулаки так сильно, что пальцы заболели. И топнула ещё раз, на этот раз создав не сверкающий купол, а хлестнущую по темноте плеть, что с щелчком и вспышкой возникла в воздухе. Темнота заметалась, заклокотала беззвучно, а затем рванула вверх, прошибая потолок и исчезая. Холодный воздух резко ворвался в лёгкие девушки, стоило ей сделать судорожный вздох и шагнуть вперёд, чтобы удержаться на ногах. Страх, исчезнувший лишь на несколько секунд, вернулся, ледяным липким потом сползая от шеи к пояснице. Девушка задышала часто-часто, чувствуя дурноту от густого запаха животных. Свет над плечом задрожал и исчез. Но темнота не поглотила послушницу, хлев был окрашен отсветами рыже-желтого факела, который хозяин оставил в держателе на стене на входе. Кира и забыла о нём, но когда тот коснулся плеча девушки, дёрнулась, чуть ли не отпрыгивая от него. Она не знала, что нужно говорить в такие моменты, а поэтому выбежала из хлева, сгибаясь в дурноте и желудочных спазмах в ближайший сугроб. В голове звенело, а ноги подломились, слабые от пережитого страха.

– Госпожа, – раздался беспокойный голос над головой. Кира зачерпнула чистый снег, растирая лицо. – Как вам помочь, госпожа?..

Он стоял в паре шагов, явно опасаясь приближаться. Послушница качнула головой, держась за стену хлева и поднимаясь.

– Отведите меня обратно, – пробормотала девушка, шагая прочь от хлева. Ей нужно обратно в комнату, добраться до своих вещей, достать Дневник, написал Матери-Настоятельнице. Потом поспать. Обязательно поспать. А потом можно на корабль. И прочь, прочь, прочь отсюда. Пусть сёстры разбираются с этим сами.

Кира двигалась обратно к трактиру шатаясь и едва переступая ногами. Она чувствовала присутствие проводника рядом, но фермер молчал, за что девушка была тому благодарна. На разговоры она не особо способна сейчас. Минут через пять, когда она уже успела несколько раз оступиться и чуть не упасть, Кира услышала за спиной брань под нос, а потом её вдруг подняли на руки и мир закрутился, пропадая на несколько секунд. Он появился обратно, когда в нос ударил знакомый запах жареного мяса и пролитого эля. Кира морщилась, слышала голоса, разбирала что-то типа: «... случилось?!», «... лучше стало, а потом резко поплохело»,

«...за мёртвую жрицу с меня три шкуры спустят», «...крышу проломило, не знаю, что это...», «...утром будем думать, а девчонку в комнату давай, на кровать», «...убила не убила, я не знаю, а вдруг вернётся?..», «...уже домой, жену успокой».

Несколько рук стягивали с неё платье, сапоги, снимали штаны, укладывали в кровать и заворачивали в одеяло. Кира слышала женские голоса, оба были ей знакомы. Она открыла глаза, выхватывая деревянный потолок, стол со своими вещами, темноту и едва различимый силуэт трактирщика в коридоре.

– Спи, милая, отдыхай, – к голове прикоснулись теплой сухой ладонью, рождая в голове одно из первых воспоминаний из Храма: Мать-Настоятельница смывает с её крошечных ладошек жирную гарь, пока она, малютка, дремлет в беспомыслии. Дверь прикрыли, комната погрузилась в темноту, Кира – в беспокойный поверхностный сон.

Глава 2

Кира слышала голоса. Точнее, чьё-то бормотание, неразборчивое и невнятное. Ещё за пеленой сна, который не хотел её отпускать, или она сама не хотела просыпаться? Та поверхностная тревожная дрёма, куда послушница провалилась после встречи с чем-то неизвестным в хлеву, сменилась на глубокий сон, который должен был в идеале восстановить силы девушки, но сейчас этому совершенно точно кто-то мешал своим разговором. И почему кто-то вообще разговаривает в её сне? Или в её комнате?

Негодование заставило послушницу заворочаться, а следом и вовсе откинуть одеяло, приподнимаясь на локтях и осматривая комнату. И если несколько секунд назад она была уверена, что разговор ей просто послышался, то уткнувшись в красновато-желтый внимательный взгляд, всё негодование растеряла и испугано ойкнула, падая обратно на подушку и накрываясь одеялом по самые глаза.

– Кто вы такой? – сверкая этими самыми глазами из-под падающих на лицо растрёпанных светлых прядей спросила Кира. Она совершенно точно помнила этот взгляд, и его владельца. Тот самый полурослик, что спас её от полуорка вчера.

– Неважно, кто я такой, важно, кто ты такая, – трескуче зашептал незнакомец чуть подавшись к послушнице. Та похолодела, пытаясь сообразить, что происходит, откуда он знает, и что он знает, и вообще, но прежде чем она принялась как-то объясняться, другой голос (на это раз женский) её перебил саркастично протянутым:

– серьёзно? – донёсшимся откуда-то со стороны изголовья. Кира задрала голову, чтобы рассмотреть его обладательницу, которая, впрочем, сама появилась в поле зрения.

– Нет, ну момент-то подходящий! – запротестовал полурослик.

– Нет подходящих моментов для отвратительно дешёвого пафоса, Фил, – выдохнула женщина, опускаясь на корточки около кровати и внимательно рассматривая Киру. – Привет!

– Ч-что тут... кто вы такие? – переводя взгляд с одной на другого бормотала послушница.

– О, да, прости. Меня зовут Шиная, это Филип...

– С одной «п», – перебил полурослик

– ..да, с одной «п», – кивнула Шиная, – а ты... Кира?

– Думаешь, мы обознались? – заволновался Филип

– Нет, я просто...пекло, – закатив глаза, разозлилась женщина, – я просто стараюсь быть вежливой. Конечно мы не обознались! Ты всё сам видел.

– Да, но...

– Что видел? – нахмурилась Кира. – Зачем вы здесь?

– Мы видели, как ты прогнала из дома фермеров ту дрянь, – осторожно проговорил полурослик. – Следили за тобой, чтобы убедиться, что...

– Нас прислала Илея, – выдохнула Шиная, сжав переносицу

– Мать-Настоятельница? – переспросила девушка, не веря своим ушам.

– Ну, если ты знаешь другую Илею, что решила вдруг отправить послушницу в паломничество в одиночестве, не отдавая себе отчёт, или что пугает ещё больше – отдавая, то может быть и нет...

– Это она, – заторопилась ответить Кира. – Мать-Настоятельница попросила вас сопроводить меня?

– Ну, «попросила» несколько другое слово, но суть ты уловила.

– Слава Свету, – прошептала девушка, расслабляясь и откидываясь на подушку.

– Это как знать, дорогая. Приходи в себя и спускайся. Мы не завтракали, да и тебе не помешает.

Когда новые знакомые ушли, послушница нетерпеливо выскочила из кровати, принявшись метаться по комнате, собираясь. Торопливо заплела волосы, умылась над тазом прохладной водой, нашла одежду, раскинутую на спинке стула, спеша одеться. Она боялась, что если будет медлить, то её сопровождающие уйдут, оставляя её разбираться со всем этим. А она не хотела разбираться с чем-либо в одиночестве. Вчера её страх отказать нуждающимся мог привести к печальным последствиям.

Кира остановилась посреди комнаты, отпуская подол только что надетого платья. Что произошло там, в хлеву? Она прогнала это... эту сущность? Кто это мог быть? И что

сейчас с фермерским мальчишкой? Ей нужно заглянуть к нему или нет? А что если темнота вернулась и... послушница оцепенела от страха, не позволяя себе думать о плохом. Нет, нет. Если бы с ребёнком что-то случилось, к ней бы уже лომались разъярённые родители. Значит, он жив.

Она не знала, нужно ли сразу брать с собой вещи, и немного замешкалась, рассматривая свои сумки. Но решила всё же спуститься пока без них. Правда, наверху лестницы она замерла, прислушиваясь доносящиеся снизу голоса. Говорят ли о ней? Ждут ли появления? Или нет?

– Кира? – снизу вверх на лестницу смотрела трактирщица. Она улыбнулась, поднявшись на пару ступеней. – Мне сказали, что ты проснулась... Всё в порядке?

– Да, я... меня ждут, – закивала девушка, принявшись спускаться. Но внизу женщина преградила ей путь, прошептала:

– ты знаешь их?

– Нет, но их прислала Мать-Настоятельница. Я доверяю её выбору.

– Ладно, – помедлив, качнула она головой. – Они за сто-

ликом в дальнем углу. Иди, я принесу тебе поесть.

– Спасибо, – улыбнулась Кира, выходя в зал. Утром было мало людей, и она сразу увидела странную пару её возможных сопровождающих. Немного нервничая, послушница заняла место напротив них, отмечая, как странно они всё же выглядят вместе. Филип – удивительно некрасивый полурослик в одеждах отличного качества и кроя, которыми он будто бы пытался отвлечь внимание от своего лица. Что до Шинаи... Она выглядела как человек, судя по бледноватой до лёгкой серости коже и чёрным смоляным волосам, скорее принадлежала к огненной породе, что подтверждали и янтарного цвета глаза. А вот белёсые шрамы на лице, открытой части шеи и руках выдавали в ней не просто путешественницу, а скорее воительницу или что-то в этом роде.

– Кто вы такие? – решила спросить девушка в лоб, практически не смущаясь своего любопытства. Ей нужно знать, кто они, чтобы доверить свою жизнь в предстоящем путешествии.

– Давай ты поешь, кроха, а потом мы расскажем, хорошо? – пробормотал Филип, кивая на идущую к столу трактирщицу с тарелками в руках.

– Хорошо, – кивнула послушница, поджав губы на его

«кроха». – Но давайте совместим. Я буду есть, а вы говорить, идёт?

– Идёт, – усмехнулась Шиная, улыбаясь и откидываясь на спинку стула, пока подошедшая женщина ставила тарелки на стол. Когда та ушла, Шиная подалась вперёд, наколола на вилку картофелину и чуть ли не приказным тоном заявила:

– Ешь! – ткнув этой картофелиной на вилке в Киру. Но девушка больше любопытничала, кем являются сидящие напротив неё, чем тем, что лежит в тарелке. А вот новые знакомые, к слову, принялись за еду очень охотно, и послушница всё смотрела и смотрела на них, ожидая обещанного рассказа. Но через какое-то время, поняв, что рассказ не начнётся прямо сейчас, девушка вздохнула и, взяв в руки ложку, и принялась помешивать кашу, в которой виднелись кусочки каких-то сухофруктов. О, как она скучала по свежим фруктам! Северный материк не славился разнообразием фруктовых садов, но даже обычное яблоко показалось бы сейчас Кире чем-то запредельно вкусным. Но до спелых плодов ещё очень далеко. Весна, казалось, уже должна была стать полноправной хозяйкой здешних мест, но зима не собиралась уступать старшей сестре, принося с гор холод, колючую снежную крупку и пронизывающие ветра. И всё же, солнце с каждым днём грело всё сильнее, и стоило его лучам коснуться земли, снег начинал таять, превращаться в хлюпающую жижу, что

за ночь замерзала в уродливую застывшую кашу. Но тем не менее, от небольшого городка, носившего название Тонлок, что был не так уж и далеко от столицы, по сравнению с прочими, а, значит, достаточно людным, зима нехотя отступала. Шумная речка день ото дня становилась всё более полноводной, утром на улицах звенела капель, а верхушки гор потеряли свои белые шапки, показав глубокую дымчатую синь. Городок был под покровительством одного серверного герцога, который, впрочем, предпочитал жить в столице, изредка наведываясь в родные края, посмотреть, как идёт добыча ценных минералов в шахте, да собрать причитающиеся ему отчисления от крошечного постоянного двора, да пары-тройки ферм и ремесленных мастерских. Благо, комфорт и тепло он любил больше путешествий по расквашенным весенним дорогам, так что наведываться в ближайшее время не собирался. Но люди его любили, а поэтому даже в отсутствии высокопоставленного господина не стремились к беспорядкам, да и стражники свою работу знали. Вон, вчера, например, выволокли полуорка из трактира, который приставал к Кире. Об этом она вспомнила совершенно внезапно, поняв, что сидит за столом со своим спасителем, а потому пунцово покраснела, вспоминая, что так и не поблагодарила его как следует.

– Вы... – залепетала девушка, поднимая взгляд на полурослика, – спасибо, что вы меня от, ну... от того полуорка,

ну...

– Ой, да не бери в голову, – отмахнулся Фил, растянув кривую улыбку, а потом подался вперёд, наклоняясь к столу, и прошептал, – я тут узнал, что у него три страсти: алкоголь, азартные игры и блондинки, а ты, – он смерил её взглядом, – самая блондинистая блондинка из всех в этой таверне.

– Ты, мой друг, видишь перед собой чистокровную воздушницу, – пережёвывая что-то, заявила Шиняя, заставив Киру покраснеть ещё больше, хотя куда ещё больше.

– Да ну? – с недоверием прищурился полурослик, принявшись рассматривать девушку ещё пристальнее.

– Угу. – Кивнула женщина. – Ты посмотри на неё. Светлая кожа, волосы, ну точно тополиный пух, а глазищи? Ты помнишь ручей под Троллевым хребтом? Ну, там где нас за жопу взяли барсы?

– Точно! – ахнул Фил. – Ох уж ледяной он был. Но по цвету да, один в один.

– В-вы были под Троллевым хребтом? – пробормотала недоверчиво Кира.

– Угу, – снова кивнула Шиная, – еле ноги унесли, да и тут как посмотреть...

– Кто вы такие? – нахмурилась девушка, переводя взгляд с одного на другую. – Вы обещали рассказать.

– Ну, раз обещали, – Женщина откинулась на спинку кресла, рассматривая тарелки на столе, словно пытаясь понять, хочется ли её чего-нибудь или нет. – Слушай.

И Кира обратилась в слух.

– Соваться на Север за Внешним горным кольцом идея сама по себе довольно глупая, – заговорила Шиная, и послушница была с ней совершенно согласна. – Но дело есть дело, и тем более дело хорошо оплачиваемое, то почему бы и нет? Тем более, ну, что я там не видела? Тут дворфы, тут тролли, тут эльфы, тут фосы, ходи себе спокойно, главное не залезай в пещеры и не пытайся взять что-то плохо лежащее, так как обычно лежит оно там не просто так, а разгневанный хозяин этой вещицы очень хорошо стреляет. Ну, это в том случае если не хочешь потом оказаться при Храме Света штопаной перештопанной и выслушать от Матери-Настоятельницы нотацию о том, что она твою шкуру уже спасала не раз, и пора бы, пожалуй, долги-то вернуть. А тут как раз подвернулась возможность. Илея, чтоб ей жилось светло и радостно, жен-

щина не глупая, а где-то даже слишком умная, потому она возьми и заяви: да кто лучше тебя, да ты все материки ходила переходила, да тебя каждая кошка – во всех смыслах – в лицо знает, и вообще, а проведи-ка ты мою девочку, пока она ещё далеко не ушла, по всем Святилищам, как полагается, потому что ей уже давно пора. А я ей: Илея, а почему бы не дожждаться разгара весны и ка-а-ак пойти всем послушничьим составом, когда ты всех подходящих послушников прогоняешь этим долгим, выматывающим путешествием, будто бы они без этого меньше верить в Свет будут. А она мне: ну ты не понимаешь, это особый случай, надо тропами, и чтоб поменьше отсвечивать. Ага, говорю я ей, ну хорошо, я тебе должна, пусть и считаю идею глупой, но по старой дружбе, я могу, где, говорю, твой особый случай. А она мне: тут такое дело, а третьего дня я её уже отправила, и надо бы, значит, перехватить. Так если, говорю, она сама может, то на кой ляд я ей сдалась проводником? А она мне: тут, понимаешь, Шинная, дело не в том, что она бы сама, а в том, что побыстрее всё это надо, а тебя мне Свет послал, так что давай руки в ноги и догоняй, пока я не поняла абсолютную глупость своего решения, ну, это она не говорила, это я уже сама придумала. Ну и пошли мы по твоему следу.

– Ты пошла, – вставил вдруг Фил, а Кира поняла, что ничего не поняла, оттого помотала головой, и посмотрела на женщину:

– то есть Мать-Настоятельница отправила меня одну, чтобы я искала проводника себе сама, корабль сама, плыла на Водный, искала там дальше всё сама, но при этом как только вы появились в Храме, она...

– Да-да, – закивала Шиная. – Слушай, не спрашивай. Особый случай на то он и особый, чтобы...

– Стоп! – замотала головой послушница, чувствуя, как поднимается раздражение и как тяжелеют кончики пальцев. Проснувшись и увидев своих проводников, Кира обрадовалась тому, что ей никого не придётся искать, но выслушав рассказ Шинаи, поняла, что что-то не сходится. Если ей нужны особые проводники, то выпроваживать её из Храма со словами: «время не на твоей стороне» очень странно. Не сходится.

– Послушай, малышка, – протянул Филип, – мы искали тебя...

– Вы только что сказали, что шли по следу, – буркнула Кира

– Шиная шла. Меня не было в храме. Я искал тебя в столице, когда получил письмо от неё. Но не найдя ни там ни

в порту, решил добраться досюда, сказав Шинае, куда еду, и надеясь, что ты могла оказаться здесь. И ты оказалась.

– Не сходится, – замотала головой девушка, откинувшись на спинку стула. Сидящие напротив резко показались ей очень подозрительными.

– Эти мне недоверчивые девы, – пробормотала Шиная, а после запустила руку за пазуху, выживая оттуда что-то на тонкой цепочке. Не «что-то». Золотой крестострел. Её золотой крестострел, который она оставила в своей комнате. Его невозможно было спутать с каким-то другим медальоном другой послушницы. Он был искорёжен, оплавлен и весь в чёрных пятнах копоти, за которой почти не было видно блеска золота, и другого такого крестострела нет во всём в Храме. Но вот он висит на пальце женщины, подтверждая самим своим существованием, что Кира действительно особый случай.

А позже, уже в своей комнате, Кира хмуро смотрела на вещи, разложенные на кровати. Покусывала уголок нижней губы, переводила взгляд с одного на другое, силясь понять, правильно ли она поступает, решив всё же довериться этой странной парочке. Продемонстрированный за столом крестострел дал Кире понять, что Шиная действительно знако-

ма с Матерью-Настоятельницей, которая, очевидно, предугадала недоверие своей подопечной, поэтому и вручила женщине значимую для той вещицу. И значимую весьма и весьма, потому как увидев свой медальон, послушница сразу же потянулась его забрать, благо, Шиная не препятствовала. И сейчас крестострел напоминал о своём присутствии, чуть царапая кожу под рубашкой. Убрать его в сумку или нет?..

Ещё там, за столом, новые знакомые сказали Кире заканчивать с завтраком и собираться. Они хотели пройти как можно больше, пока позволяла погода, и девушка поддерживала такое решение. За те дни, пока она добиралась до Тонлока от Храма, её один раз накрыла метель. В это время года метели на Северном материке не редкость, с гор спускаются ветра, приносят снега, холод, застают путников в дороге, заставляя их как можно скорее искать укрытие. Кире повезло, она успела повернуть коня к лесу, где наломала еловых лап, пытаясь сделать хоть то-то, похожее на шалаш. О костре мечтать и не приходилось, благо, у неё действительно хорошая походная одежда, и замёрзнуть насмерть не грозило. Было страшно за коня, и пусть в лесу метель бушевала не так сильно, в какой-то момент послушница накрыла животное своим плащом, надеясь хоть как-то помочь. К счастью, обычно такие метели были пусть и суровыми, но непродолжительными, и спустя чуть больше часа ветер стих, позволяя развести хоть какой-то костёр, и немного поспать.

Так что воспоминания о непогоде были ещё очень свежи, и Кира собирала вещи, проверяя припасы и одежду на предмет целостности и сухости, а после торопливо одевалась, чувствуя неприятную смесь нетерпения и страха. Такое уже возникало внутри, когда девушка выходила из Храма. Яркое, захлёстывающее чувство, которое и сейчас подталкивало Киру в спину. Но оставалось сделать ещё одно дело, прежде чем покидать трактир и городок. Она вытащила из сумки Путевой Дневник, разложив его на столе и достав из сложенной тряпицы тонкое перо и бутылёк с зачарованными чернилами, принялась писать. Путевой Дневник был парным. Одна книжечка оставалась в Храме, а другую жрецы брали с собой. Они были не у каждого, конечно, но назвать эту вещицу каким-то мощным артефактом нельзя. Всё, что жрец писал в одном экземпляре дневника появлялось на страницах у другого. Магия действовала недолго, так что тот, кому ты давал парный дневник обязался проверять страницы несколько раз в день. Свой Кира оставила Матери-Настоятельнице. И сейчас писала ей. И о хвори, что поразила детей, и о темноте, и о том, что она встретила своих проводников. Послушница просила прислать в город нескольких опытных жриц, чтобы те проверили состояние других детей, а ещё шахты, откуда, как казалось Кире, и пришла эта темнота. И какая-то её часть страстно желала отправиться в шахты самостоятельно, пусть и было страшно, но с другой

стороны – у неё была миссия, а остальное было неважно. Кажется...

Девушка закрыла дневник, убирая его в сумку, и осмотрела комнату. Всё, можно идти? Волнение и нетерпение снова наполнили её лёгкие на вдохе. Кира закинула сумку на плечо, одёрнула плащ и шагнула к двери.

Но стоило ей выйти из комнаты, она буквально уткнулась в мужскую грудь и испуганно отпрянула, поднимая глаза.

– Простите, госпожа жрица, – сделал шаг назад мужчина, имени которого Кира так и не узнала. Это к его сыну она ходила. Вмиг девушка похолодела: а вдруг с мальчиком что-то случилось? И будто увидев на её лице вопрос, мужчина поспешил её успокоить:

– с Тове, с моим сыном, всё в порядке, – улыбнулся он, – я принёс вам в благодарность, вот... – Кира опустила глаза на мешок в руках мужчины, из которого тот достал серебряный поднос и кольцо. – Вы не взяли это, а Гаст сказал, что вы уезжаете и я...

– Не нужно, – замотала Кира головой. – Вы мне ничего не должны...

– Возьми, Кира, – раздалось со стороны лестницы, и в поле зрения стоящих в коридоре появилась Шиная. Послушница отметила, что женщина оказывается была довольно высокой. Ну, по сравнению не с полуросликом, а с обычным рослым мужчиной.

– Что?.. – пробормотала девушка, непонимающе переводя взгляд с Шинаи на пришедшего мужчину.

– Не отказывайся от благодарности за свои дела, – она кивнула на протянутые вещи, – возьми хотя бы кольцо. Не оставляй у людей чувство долга за столь ценную помощь.

Кира покусала губу, хмуро рассматривая кольцо на протянутой ладони. Ладонь была широкой, с грубой кожей человека, который привык к труду, а кольцо было женским, явно принадлежащим его жене. Может, оно имело огромную ценность для них? Может, передавалось из поколения в поколение, а Кира вот так это заберёт?

– Пожалуйста, госпожа жрица, – потянул кольцо мужчина. Та посмотрела на Шинаю, которая кивнула, подбадривая девушку, и всё же протянула руку к украшению. Мужчина облегчённо вздохнул, пытаясь протянуть ещё и поднос, но Кира замотала головой:

– мне некуда его деть, кольца достаточно.

– Хорошо, госпожа жрица, – пробормотал мужчина, убирая поднос в мешок. – Спасибо за Вашу помощь, за то, что вмешались, за то, что спасли моего ребёнка...

– Нам пора, – вклинилась Шиная в этот поток благодарностей, спасая послушницу от неловкости. – Спускайся, мне ещё нужно кое-что забрать.

Кира спустилась с лестницы, тут же встречая трактирщицу, которая будто бы её поджидала. И стоило женщине сделать вдох, послушница зашептала:

– мне ничего от вас не нужно, пожалуйста, не нужно меня благодарить.

– О милая, я не знаю, есть ли в мире хоть что-то, чем я могу выразить свою благодарность тебе. Но то, как ты отказывалась от благодарности Стерса, даёт мне понять, что предлагать тебе украшения и деньги смысла нет. Но... возьми в дорогу еды, на себя и своих проводников. Сушёные фрукты, сухари, немного вяленого мяса и сыр, это уже молодой, съешьте его сегодня же вечером.

– Хорошо, – кивнула Кира. Благодарность, выраженная

припасами её не смущала, да и еда им действительно понадобится. У них определённо будет ночёвка в дороге, и нужно будет готовить, так что всё пригодится. – Спасибо.

– Тебе спасибо, милая, – взяла девушку за руки трактирщица. – Я обошла семьи, где болели дети, и вот что скажу: хворь ушла, все поправляются потихоньку. Уж не знаю, что ты сделала...

– я сама не знаю, – прошептала послушница

– ...но спасибо тебе от всех нас.

– Я написала в Храм, и я думаю, что в ближайшее время к вам приедут жрицы, чтобы проверить, что здесь произошло. У меня нет времени разбираться со всем этим, простите...

– Ничего-ничего, мы подождём, ты и так сделала уже очень много для всех нас. Помни, что здесь для тебя всегда найдут комнату и горячую еду, в любое время года, дня и ночи. У каждой семьи, чей ребёнок поправился, ты найдёшь пристанище и помощь. Помни об этом, – женщина сжала руки девушки, а после не удержалась и притянула её к себе, обнимая, – о милая, спасибо, спасибо тебе!..

Когда поток благодарностей закончился, Кира вышла из

трактира, гружёная узелком с едой, которую ей вручила трактирщица. В стороне Филип помогал конюху седлать лошадей, громко ворчал и размахивая руками. Послушница удивлённо приподняла бровь, понимая, что полурослик будет ехать верхом на обычной лошади, а не пони, хотя она знала, что такое у этого народа редкость.

– Что случилось? – окликнула она нового знакомого, подходя к своему коню, протягивая руку к чёрной морде со звездой во лбу. Горячий бархатистый нос ткнулся в ладонь в поисках чего-нибудь вкусного.

– Каждый конюх считает, что знает лучше меня, как подтягивать стремя на моём седле, – ворчал Фил, подходя к Кире. Он кивнул на её коня, – у твоего приятеля отличный нрав надо сказать, отличный конь. Как его зовут?

– Пряник, – рассмеялась послушница, пожимая плечами, мол, да, имя не для героического скакуна. Она вытащила из узелка несколько долек сушёных яблок, протягивая коню.

– Пряник? – недоверчиво переспросил Филип, а убедившись, что Кира не шутит, обратился к животному, – эй, Пряник, ты отличный парень. А это Лис и Хмарь, – кивнул полурослик за спину, где конюх притачивал седельные сумки к рыжей и мышастой лошадям. – Так что компания у тебя,

Пряник, та ещё. Эх, жаль будет с ними расставаться... но это не впервой.

– Не впервой? – Девушка вытащила из по горсточке сушеных яблок и подошла к лошадям ближе, протягивая лакомства.

– Ну, а как ты себе представляешь? Каждый раз переправлять коней по морю? Глупо, да и стрессуют они будь здоров. Вот и приходится оставлять их в конюшнях до новых встреч.

– Вы много путешествуете? – не поняла Кира, поглаживая рыжую морду Лиса.

– Достаточно, чтобы позволить себе содержать своих лошадей в крупных городах, – раздалось позади, и девушка обернулась, тушуясь под взглядом Шинаи. Она подошла к серой лошади, которая легонько боднула женщину в плечо. Та спросила, – всё готово?

– В целом, да, – протянул Филип, осматривая лошадей, Киру и двор. – Можно выезжать.

И нельзя сказать, что в самый последний момент Киру не одолели сомнения. Незнакомые люди, странные, по их же рассказу путешествовавшие на Север, знакомые с Матерью-Настоятельницай, а знакомы ли, а правда ли это всё... С другой стороны вполне всё правдоподобно, крестострел

опять же, да и имя настоятельницы они знают, но...

– Эй, Кира! – окрикнул её Филип. Девушка стояла у своего коня, пристёгивая сумки, проверяя подпруги и стремяна. – Ты чего копаешься?

– Я всё, я уже... сейчас! – закивала послушница, шагнув к голове Пряника. Тот сунул морду в протянутые ладошки Киры, но нашёл только ласковые почёсывания. – Ты уж следи за ними, хорошо? – шепнула девушка, прижимаясь лбом к чёрной морде. А после решительно шагнула к боку коня, легко запрыгивая в седло. Пряник не был крупным конём и прекрасно подходил под рост послушницы.

– Давай поспеши! – Проворчал полурослик, проезжая верхом рядом. Шиная уже выехала со двора трактира, а вот в самом дворе появился и трактирщик, и его жена и даже кроха-Тенни, обнимающая мать за ногу через юбку.

– Доброй дороги, госпожа жрица! – крикнул трактирщик, а жена одёрнула его, улыбнувшись виновато Кире. Та улыбнулась в ответ, разворачивая Пряника в сторону, куда направились её спутники. И оставила трактир за спиной. Волнение ещё то и дело словно хватало её желудок рукой в латной перчатке, но желания развернуться и скрыться под одеялом в свое комнате не было. Ну, точнее было конечно, ей очень

хотелось вернуться в Храм, закрыться в комнате и вообще всю жизнь не выходить из неё. Но... на самом деле, в глубине души, она всегда мечтала именно об этом: объехать весь мир, посмотреть все материки, добраться до Центрального и увидеть Плато Стихий. И пусть страх перед неизвестным изредка пробегал мурашками по шее, Кира всё же тронула коня по бокам ногами, чуть ускоряясь и нагоняя спутников.

*

Первые часы, пока утро сменялось днём, поднималось солнце, а небо становилось чище, давая путникам надежду, что непогода не застанет их в пути, прошли, наполненные байками и шутками Филипа. Скабрёзными надо сказать, но такими смешными, что Кира, после первых трёх покрасневшая до кончиков ушей, над последующими хохотала так, что несколько раз чуть не свалилась с коня. Может, это всё от её переживаний, но всяко лучше хорошенько просмеяться, чем дрожать от страха. Да и к тому же внутри возникало странное и едва заметное ощущение удовлетворения что ли от бурлящего юношеского протеста, направленного в сторону Матери-Настоятельница. Мол, вот, посмотрите в какой я компании, слушаю шутки про скрещенные мечи и яблоки, и нисколечко не стыдно.

Хотя, чего лукавить, чуточку всё же стыдно. И нельзя ска-

зять, что это по причине строгости, в которой она выросла, нет. Храм придерживался строгих правил, конечно, как всякое место, где разновозрастные и разнополые послушники были ограничены одной территорией, но никто и никогда не очернял ту сторону жизни, о которой с таким упоением рассказывал Филип. Сколько Кира себя помнит, не случилось в стенах Храма никогда громкого скандала, а на подростковую возню достаточно было лишь шикнуть, чтобы разогнать милующихся по углам. Да и то, это было крайне редко в силу того, что почти всех попадавших в Храм мальчиков лет в десять-двенадцать забирал Паладинский Орден. Редкий мальчишка оставался в Храме и становился жрецом Света. Точно так же, как и редкая девчонка становилась паладинкой. Мать-Настоятельница рассказывала, что подобное разделение несёт не только прикладной характер, ведь не каждая девушка будет рада таскать на себе килограмм двадцать доспехов, но и имеет под собой причину разного подхода к применению энергии Света. И уж точно дело не в том, что паладины – это мужественные и суровые воины Света, а жрицы исключительно защитницы и целительницы. Попробуй кто скажи это Матери-Настоятельнице, тотчас получишь световой плетью по мягкому месту. А ожоги и раны от Света проходят долго.

Нет, дело во внутреннем умении управлять энергией, и понимании, как это применять на практике. У мужчин и

женщин оно разнилось, а поэтому одарённые дети со всего мира сначала появлялись при Храме, учились азам, а после проходили разделение на юных жрецов и паладинских новобранцев, вторых при этом увозили на Центральный материк, где располагался Орден.

– О чём задумалась? – окликнул Киру полурослик, сравнившись с ней.

– Вспоминаю Храм, – не стала скрывать послушница.

– И чего там, в Храме? – бросила из-за плеча ехавшая впереди Шиняя. – Скучаешь по молитвам Свету и пресной каше?

– Нормальная каша, – буркнула девушка, почувствовав непонятную обиду за нападки на место, где она выросла.

– Посмотрим, что ты скажешь, когда попробуешь лучшие блюда в лучших тавернах на каждом материке, – усмехнулась Шиняя.

– Это не гастрономическое путешествие! – запротестовала Кира.

– Да-да, крайне важная миссия. Тебе Илея-то объяснила,

почему раньше прочих в Путь-то пошла? Твои сёстры соберутся большой группой, с красивым сопровождением.

– Потому что у меня особый случай, – заученно пробормотала послушница.

– Особый случай... – женщина чуть притормозила, позволяя Кире и Филипу сравняться с собой. – А почему он особый?

– Я... не знаю, – ощущая непонятную неловкость, вкупе с раздражением, буркнула под нос Кира.

– Вот именно. Святая Илея в своё репертуаре, – качнула Шиная головой, кривя тонкие губы.

– Будто вы знаете! – кинулась на защиту Матери-Настоятельница девушка.

– Знаю, – коротко ответила женщина, повернувшись к Кире. Глаза её, и так достаточно яркого цвета, словно на секунду загорелись огнём, заставляя девушку замолчать. Шиная скосила улыбку. – Поэтому и злюсь. Не на тебя, Кира.

– Так, может...

– Нет. Прости, но рассказать я не могу. Не сейчас. Как бы я не относилась к этой старой перечнице, обещание есть обещание.

– Дамы, дамы, – вклинился молчавший до сих пор Филип, беспокоясь о том, что обстановка может начать накаляться. – Может быть, сделаем привал? Маленький костерок, травяной чай с сушёными яблоками? Это ещё никому не мешало.

Решившие не спорить с предложением полурослика, они замолчали, а минут через пятнадцать Филип свернул по узкой тропке чуть в сторону от тракта. Они уже достаточно отъехали от шахтёрского городка, чтобы тот скрылся за горизонтом, и поля, окружавшие его и подходящие вплотную к горам, сменились лесом, спускающимся со склонов. Вот в сторону леса и повернул Филип, и довольно скоро они втроем, привязав коней, собирали топливо для костра, набирали в котелок снег, распределив обязанности и практически не переговариваясь.

Когда Шиная с лёгкостью развела костёр, Кира убедилась в том, что та была из огненной породы. Удивительная лёгкость в обращении с огнём завораживала послушницу. Пару лет назад в Храм приезжала женщина-маг, владеющая этой стихией. Оставалась на несколько дней, и по вечерам показывала во внутреннем дворе храма фейерверки разномаст-

ной детворе. Кира видела магов и других стихий, да и сама в какой-то мере владела магией, пусть и другого толка, но те красно-оранжевые всполохи пламени на тонких смуглых пальцах женщины не сравнятся ни с чем. Девушка знала, что любой человек из огневиков играючи разведёт костёр практически в любых условиях, и когда это на её глазах сделала Шиная, она не смогла удержаться от комментария, тем более неловкость после прошлого разговора толкала её первой пойти снова на контакт.

– У вас есть магические способности? – спросила Кира, садясь на покрытый тёплым плащом валун. Было достаточно тепло, чтобы не носить плащ на плечах, а вот сидеть на холодном не хотелось.

– Нет, я не владею магией, – усмехнулась Шиная, глянув при этом на Филипа, молча помешивающего в котелке чай. – Просто как всякий выходец Тхуйба...

– Вы из Тхуйба-фатаху?! – Воскликнула Кира, подавшись вперёд и принявшись стрекотать. – Восточная столица Огненного материка, крупнейший город торговли, работоторговли, огромные рынки, наёмники, невольники, специи, демонические контракты!

– Бывала там? – издевательски хмыкнула Шиная, прини-

мая из рук полурослика горячий чай.

– Нет, конечно нет, – забормотала Кира, не уловив издёвки и принявшись зачем-то объясняться. – Но я много читаю, в Храме отличная библиотека вообще-то, я много чего знаю...

– Прекрати оправдываться, кроха, – буркнул Филип, вкладывая в её руки горячую кружку. – И не слушай её, у ядовитой госпожи плохое настроение, ей не дали с утра ни мужика, ни выпить. Вот и срывается.

– Всё-то ты знаешь, – подмигнула Шиная полурослику, тот послал ей воздушный поцелуй, пристраиваясь на другой валун, а Кира от такой откровенности снова покраснела, пытаясь спрятаться в стакан от неловкости. Горячий чай обжёг губы и язык, но послушница восприняла это как кару за излишнюю эмоциональность. В голове девушки метались мысли о Огненном материке, его горах, вулканах, пустынях и редких крупных городах. И только сейчас, пожалуй, она осознала, что её путь лежит и туда в том числе. Впереди их ждёт Осах, откуда они переплывут на восток до Итирима, северной столицы Водного материка и будут спускаться вниз, посещая по пути святилища, а в южном порту Водного они сядут на корабль и отправятся дальше к Атаху, а оттуда...

– Кира! – ворвался в её воображение голос Филипа. – Пекло, почему ты такая рассеянная? Допивай и поехали.

– Угу, – улыбнулась послушница. Сердце заколотилось в предвкушении того, что ждёт её впереди. Совсем скоро она поднимется на корабль. Совсем скоро покинет этот материк. И если для того, чтобы отправиться в путешествие нужно мириться с колкостями Шинаи, то так тому и быть.

Северный материк, Материк Воздуха, или как его называли в древности Эасиа, как и каждый из прочих четырёх материков, обладал своим особым шармом. Короткая и всегда очень яркая весна, не жаркое лето, осень с низкими тяжелыми тучами и затяжная зима. Вечные Леды, простирающиеся за Внешним Горным Кольцом, с которых в любое время года могли прийти холодные ветра. Горные гряды, пронзающие материк с севера на юг, образовывали долины, в которых небольшие города и крупные деревеньки вгрызались в горную породу рудниками в поисках драгоценных камней и металлов, попутно прореживая лесные массивы множеством лесопилок. Древесина северных лесов была ценна и в том числе в кораблестроении и спрос на неё был огромным.

И надо же самым дружелюбным и весёлым представителям племени людского закрепиться здесь: среди горных хребтов, холодных зим и суровых ветров, вдобавок имея под боком не самых дружелюбных соседей, рьяно охраняющих

тайны Севера, и совершенно не желающих делиться сокровищами своих промерзших насквозь земель.

Воздушники – люди лёгкие во всех смыслах. Ниже, изящнее стихийных собратьев, даже набирая вес они не теряют этой лёгкости в движениях, и уж точно не теряют в обаянии. Люди воздуха улыбочивые и звонкие, все как один светлокожие и светловолосые, они не любят и не особо-то умеют воевать. Зато дипломатия, торговля, поэзия даётся им превосходно. Как и умение создавать тончайшей работы вещицы, будь то украшения, одежда, посуда и даже оружие. Да, в кузнечном мастерстве они уступают всем прочим, но их изящные клинки чем легче, тем смертоноснее. Сила стихии позволяет их походке быть лёгкой, прыжкам выше и длиннее, а некоторые даже не будучи магом умеют кратковременно парить, спрыгивая с небольшой высоты.

Поразительное умение держать равновесие и абсолютно точное понимание нахождения тела в пространстве делает из них прекрасных артистов и акробатов, а порой воров и убийц. Последнее, конечно, встречается не часто, во всяком случае так думают сами воздушники, искренне стремящиеся все конфликты решать с помощью дипломатии, а не прибегая к оружию. А ещё они прекрасные мореплаватели, ведь им всегда сопутствует попутный ветер.

Кира, как любезно заметила в трактире Шиная, была чистокровной воздушницей. От кончиков светлых ресниц до розовых пяток, одна из которых ужасно чесалась всю дорогу, но добраться до источника зуда, не выпав из седла, было затруднительно. После стоянки они были в пути уже несколько часов, и если утром дорогу скрашивали рассказы Филипа, то следующий отрезок дороги они ехали практически в молчании. Что было досадно – Кира рассчитывала на рассказ Шиной о Тхуйбе-фатаху. Но как назло, если разговор какой-то и поднимался, то о чём-то совершенно по мнению послушницы незначительном: о пробивающейся сквозь снежную корку яркой зелени подступающей весны, или о том, где переночевать по приезде в город. Кира знала, что корабли отходят ранним утром, но так же она понимала, что к грядущей ночи они ещё не доберутся до города.

– Пора бы подкрепиться, – заворчал Филип. – Обеда-то ещё не было. Надо отдохнуть, слышишь, Шиная...

– Слышу, – отозвалась женщина. – Там впереди будет речушка, встанем около неё. И лошадей напоим и свои запасы пополним.

И вряд ли прошло больше получаса, как спешившись с коня и стянув с него седельные сумки прямо на снег, Кира уселась на один из баулов, снимая сапог и с ожесточением

принялась расчёсывать пятку.

– Ты это чего? – озадачился полурослик, проходя мимо с котелком.

– Да нога, – сосредоточенно сопя и ковыряя кожу ногтем, проговорила девушка, – всю дорогу чесалась.

– Тьфу ты, дурёха, сказала бы, мы б остановились, – покачал Фил головой, и двинулся в сторону речки. Кира слышала её журчание, звонкое и какое-то даже аппетитное. С другой стороны, не считая чая и сушёных яблок, последний раз послушница ела часов шесть назад.

– Там тебе трактирщица вроде как припасов дала, я краем уха слышала, – окликнула девушку Шиная, занимаясь сбором топлива для костра.

– Да, – ответила Кира, с упоением расчёсывая розоватую кожу.

– Вот ими и пообедаем, – кивнула женщина, ломая собранные ветки.

Спуск к речке порос низкими кривоватыми деревьями. Некоторые были живыми, и на их ветках уже занимались

почки, торопясь скорее выпустить листья, другие же выглядели тёмными и сухими. Заявление Шиная о еде на секунду заставили Киру засомневаться: а вдруг эти её проводники всё же не те, за кого себя выдают? И сейчас они заберут её еду и бросят её здесь. Нет, утопят прямо в ледяной речке. Но мимолётный страх испарился, а послушница укорила себя за такие мысли. Всё же, эта странная парочка доказала и то, что знает Мать-Настоятельница и то, что та их действительно послала.

– Хорош чесаться, – заявил Филип, возвращаясь от речки с набранной в котелок водой. Шиная уже разводила костёр, и сооружала над занимающимся пламенем треногу из прямых палок, чтобы повесить котелок.

– Ага, – пробурчала Кира, оторвавшись от своего занятия и обуваясь. Она вытащила еду, что дала ей трактирщица, отнесла её к костру, отдавая Филу, и чтобы хоть как-то быть полезной, занялась обустройством места вокруг, чтобы они могли спокойно поесть. Девушка не была знакома с походной жизнью и не знала, как правильно сооружать временную стоянку, но ни Фил ни Шиная не сказали ей ни слова, занятые готовкой. Вскоре вокруг забурлившего содержимого котелка принялись разноситься аппетитные ароматы, заставляя Киру перемещаться ближе к костру и любопытно заглядывать через плечо Филу.

– Не дыши в затылок, – проворчал он, не поворачиваясь. Кира вжала голову в плечи, шагнув прочь и наткнулась на внимательный взгляд Шинаи. Женщина чуть щурила один глаз, рассматривая послушницу. Под её взглядом ей стало неуютно, но это ощущение не смутило девушку сильнее, а скорее наоборот – раззадорило и подтолкнуло шагнуть к Шинае ближе.

– Значит, вы выходец из Тхуйба-фатаху? – встав напротив спутницы и качнувшись с пятки на носок, спросила Кира, беспардонно рассматривая женщину.

– Оттуда, – кивнула та, склонив голову. – Любопытно?

– Очень, – прошептала девушка, порывисто шагая ближе. Шиная кивнула, приглашая Киру сесть ближе. Послушница без колебаний опустилась рядом.

– Спрашивай, раз любопытно, – со смешком проговорила женщина, принявшись возиться с застёжками левого сапога.

– Ой. Я... – растерялась Кира, понимая, что все вопросы выветрились из головы, так как она не ожидала, что Шиная пойдёт на контакт. – Ну, он и правда такой, каким его описывают?

– Грязный, лживый, опасный? – ещё раз усмехнулась собеседница.

– Ну не-е-ет, – протянула послушница с улыбкой, принявшись вдохновлённо перечислять, – улицы закрыты разноцветными тентами от палящего солнца, рыночные площади полны торговцев, яркие наряды, ароматные блюда...

– ...правлящие прайды, нищета, заказные убийства, – спокойно продолжила Шиная, поднимая взгляд от сапога на послушницу. – Я не родилась в этом городе, но я в нём выросла.

– О... – нахмурилась Кира, ощущая в моменте что-то общее с сидящей рядом женщиной. Чувство кольнуло тоской по чему-то непонятному, но тут же исчезло.

– И выжила, – делая акцент на этом, проговорила спутница.

– Любезные госпожи, – вклинился в разговор Филип, подходя к говорившим с двумя мисками чего-то горячего, – прежде чем вы тут начнёте делиться деталями своих разумеется трагичных биографий, отведайте, пожалуйста.

Кира взяла миску, внутренне запротестовав на замечание

о трагичности собственной биографии. Но вслух говорить не стала. Ведь трагедия в её жизни действительно была, в далёком прошлом, и об этом девушка знала лишь по словам Матери-Настоятельницы, да по собственным очень отдалённым воспоминаниям, в которых сложно было что-то понять за запахом гари, который всегда чудился ей, стоило попытаться что-то вспомнить. Кира опасалась откровенничать, но слова Шинаи о том, что та родилась в одном месте, а выросла в одной из столиц Огненного материка отзывались внутри, буквально выбивая из неё признание:

– Я тоже родилась не в Храме, – она смотрела на источающую пар еду, перемешивая ложкой, чтобы чуть остыла. – Меня принесли к порогу, мне было лет...не помню, – девушка вдруг нахмурилась, понимая, что сквозь задымленную память прорываются отдельные обрывки прошлого. – Или не принесли. Там были ещё дети, кажется. А потом был зал Инициации...

– Кира... – тихонько обратилась к ней Шиная, но отвлечь послушницу не удалось.

– ...Мать-Настоятельница что-то шептала, – зачарованная вдруг открывающимися перед ней смазанными воспоминаниями, которые рассеивались, стоило девушке попытаться на них сосредоточиться, Кира торопилась высказаться

ся. – Пахло гарью, нос был весь забит запахом чего-то горелого, противного, – она поморщилась, – и волосы, мои волосы светились, мои руки... светились, я... всё вокруг, свод зала, огромный купол света, барьер, это был защитный барьер, от...от...

– Кира, всё хорошо, – рука Шинаи накрыла тонкую ладонь послушницы. И в момент прикосновения девушка ощутила, что её наполнившиеся от переживаний силой пальцы среагировали на касание женщины, словно в этом касании, в руке Шинаи, в ней самой было нечто очень отличное от природы Киры. Она подняла на женщину взгляд, находя в её глазах то же понимание. Та повторила, – всё хорошо, мы здесь, чтобы помочь тебе, Илея послала нас, чтобы помочь тебе.

– Да, я знаю, – закивала Кира, поджимая губы, – вы должны провести меня по Святилищам, и сделать как можно скорей и неприметней.

– И мы проведём, – подал голос Фил. – Но чтобы у тебя были силы пройти этот путь, пожалуйста, поешь. – Он кивнул на миску. – Уже достаточно остыло.

– Не обижай повара, кроха, – улыбнулась Шиная, – ешь, это вкусно.

Кира улыбнулась в ответ, перемешала содержимое миски ещё раз, зачерпнула и отправила в рот. И чем бы это не было, – женщина не соврала – было действительно вкусно.

Она долго думала о тех воспоминаниях, что возникли в памяти. Думала на привале, думала, собирая сумку, думала когда они дальше двинулись в путь. Картинка не желала собираться во что-то целое и понятное, и у Киры были лишь постоянно ускользающие обрывки. Она мало размышляла о своём детстве. Когда была ребёнком, воспоминания о появлении на пороге храма как-то подстрелились, да и сирот под сводами храма было немало, чтобы каждый из них задумывался о своём происхождении. Они были просто детьми, которые обладали определённым даром, и это не сказать, что большая уж редкость, чтобы получить какое-то особое отношение. Впрочем... к ней действительно относились несколько иначе, чем к прочим детям. Внимательнее что ли, осторожнее или даже скорее... настороженней. Она не была конфликтным и шаловливым ребёнком, но ощущала над собой этот постоянный надзор. Да и с Илеей у неё были особые отношения, даже близкие. Мать-Настоятельница следила за учёбой, и нередко сама приходила практиковать с послушницей те или иные заклинания. Правда, её уроки не сказать, что в итоге оказались полезными. В моменте, когда Кире необходимо было применить Свет, всё произошло не согласно порядку практикуемых в храме заклинаний, а само собой.

И никакого самоконтроля, никакой скрытности, на что призывала обращать внимание Мать-Настоятельница...

Девушка усмехнулась себе под нос, подумав о том, что все уроки, кажется, прошли даром. Она сумела изгнать темноту, но за исполнение её точно не погладили бы по голове. Переполошила всех, внимание привлекла...

– О чём задумалась, кроха? – проскрипел Филип, привлекая внимание девушки. – Глаза стеклянные, на губах ухмылка, смотри, будешь так хмуриться, морщины появятся.

– Они у неё и так появятся, – подала голос Шиная, едущая впереди.

– Ой, ты там помолчи, – сморщился полурослик, а потом посмотрел на Киру и дёрнул бровью. – Ну так?

– Да я... – протянула Кира, соображая, что тому сказать, но сдалась и решила не выдумывать. – Вспоминаю, как прогнала ту темноту из больного мальчика, и понимаю, что вообще всё сделала не так, как меня учили.

– О, так это в порядке вещей. Это знаешь только у очень недалёких и вымуштрованных солдат получается, мол, ты мне сюда бьёшь, а я тебе так, ну и там стойки всякие, удар поворот, блок, разворот. А я тебе скажу, дорогая, что лучше

всего драться учиться не на плацу казармы какой при королевской гвардии, а вон в ближайшей таверне. И чем лучше ты в моменте ориентируешься, тем больше шансов выжить у тебя есть. Так что, может, хорошо, что ты это нечто прогнала не по книжке?

– Ну... – пожала Кира плечами, – а вдруг вернётся? Я же не знаю, что я на самом деле, а если...

– А это уже жрицы разберутся, – вновь вклинулась Шиная, не оборачивая головы. – Ты не о прошлом думай, а о будущем. Завтра утром будем в порту. А там на кораблик и всё, прощай дом родной, привет приключения.

– Да...приключения это, – слабо улыбнулась девушка, – приключения это хорошо... Вы же, ну, много где были?

– Везде, – опередил женщину Фил, заставив послушницу недоверчиво приподнять бровь и посмотреть на затылок Шинаи.

– Так уж везде? – Кира улыбнулась шире, решив поддержать кажущуюся ей очевидной шутку. – Сколько же это заняло времени?

– Достаточно, чтобы иметь в каждом мало-мальски круп-

ном городе знакомого трактирщика, кроха, а следовательно не оставаться ночевать под открытым небом, как нам придётся сегодня.

– О, брось, Шиная, ты любишь свежий воздух: костёр, романтика! – тронув коня за бока, чтобы тот ускорил шаг, Фил поравнялся с женщиной, оставляя Киру позади.

– Я ещё Пеплову Пустошь люблю, – лениво парировала Шиная, – но лезть туда без особой нужды не стану.

– Начинается, – громко простонал Филип, вызывая смехок со стороны Киры, услышав который повернулся и подмигнул девушке. Та поторопила Пряника, пристраиваясь с другого бока к Хмари, благо, дорога позволяла троим всадникам свободно ехать рядом.

Они начали вставать лагерем, стоило воздуху слегка окраситься в фиолетовый. Темнеет весной всё ещё быстро, а устроиться на ночь всё же не так легко, как сделать привал на обед. Они нашли подходящее место в подлеске, свернув в его сторону с основного тракта и принялись за работу. Развести костёр, найти места для сна, натаскать еловых лап, даром что в северных лесах елей немало. Привязать коней, набрать воды, если есть где, или как в случае путешественников, растопить снег. В подлеске его было достаточно, и вскоре в ко-

телке уже начинала закипать вода. Кира сидела на спальнике, завернувшись в свой собственный плащ и сонно моргала, наблюдая за тем, как её спутники переговариваются между собой. Сознание послушницы то и дело цеплялось за произошедшее вчерашним днём, вечером, ночью, пыталось выстроить из сказанных слов какую-то логичную цепочку, но получалось так себе. Образ Матери-Настоятельницы то и дело возникал перед внутренним взором, и Кира вздрагивала, выныривая из сонной неги.

– Держи, – оказалась под носом кружка с чем-то дымящимся в очередной раз, когда девушка открыла глаза.

– Что это? – пробормотала она, поднимая глаза на Филипа.

– Отличный отвар по моему рецепту. Восстанавливающий. И вот тебе ещё, ешь пей и ложись спать.

– Спасибо, – кивнула Кира, протягивая руки и забирая угощение. Содержимое кружки пахло знакомыми травами, правда, какими именно послушница сказать не решалась, да и спать хотелось. А вот кусок пирога, который Филип вручил вместе с напитком удивил кисло-сладкой ягодной начинкой. Уж чего-чего, а выпечки она в походе не ожидала. Может, и им трактирщица дала что-то с собой? Но возражать послуш-

ница, понятное дело, не стала, быстро разделавшись с ужином.

И разморённая теплом и сытостью, Кира вскоре перестала сопротивляться сонливости, упав на лежанку, и подтянула коленки к груди, накрываясь тёплым плащом чуть ли не с головой. Сон пришёл моментально, и последнее, что она услышала был тихий смех Шинаи и треск поленьев в костре.

Её разбудили, кажется, тут же, отчего стало в моменте очень-очень страшно, и Кира забормотала, испуганно всматриваясь в темноту, которую едва ли разгоняли светящиеся красным угли в костре.

– Вставай, – тихо проговорила Шиная, – до города ещё три часа, а нам на утренний корабль нужно успеть.

– Д-да, – сбивчиво зашептала Кира в ответ, скидывая с себя плащ. И тут же об этом пожалела. Было сыро и холодно. Взгляд постепенно привык к темноте, которая всё же не была кромешной: чистое небо над головой позволяло тонкому месяцу и звёздам окрашивать всё вокруг в серебристо-синий.

Девушка принялась собираться, стуча зубами от холода и недосыпа, стараясь не задерживать спутников, которые сворачивали стоянку спокойно и расслабленно, всё так же пере-

говариваясь между собой. Неужели к концу путешествия и она станет такой? Будет спокойно просыпаться в предутренней темноте, неторопливо собираться, не трястись от холода? Хотелось бы верить.

Наконец все были готовы. Кира забралась в седло, накинула капюшон и легонько тронула Пряника за бока, отправляя его следом за лошадьми Филипа и Шинаи. Те, кажется, тоже были привычные к такой жизни. В отличие от храмового коня, который недовольно фырчал, дёргал узду и то и дело мотал головой.

– Ну прости, прости, – шепнула Кира, пригнувшись к шее животного. – Потерпи ещё чуть-чуть, а потом вернёшься в своё стоило. Подумаешь, каких-то три часа...

– Это в лучшем случае, – подал голос полурослик, кивая послушнице за спину. Та обернулась, увидев, как по чёрно-синему небу медленно ползут в их сторону серо-сизые низкие облака. – Если догонит мало не покажется. Сама знаешь, какие тут метели. Так что поспешим.

Какие метели на Северном Материке? О, Кира действительно знала. С гор спускаются вьюги, их подхватывает ветер и несёт, несёт, несёт в сторону населённых пунктов, разгоняя жителей по домам. Даже в Храме Света, который, ка-

жется, как всякое магическое заведение должен быть укрыть от непогоды, во время метелей старались лишний раз на улице не совать любопытного носа. Запирали ставни, разжигали камины и очаги. Затяжные метели в храме – это время долгого отдыха. Ни тебе занятий во дворе, ни прогулок, ни новостей от караванщиков, что поднимаются от раскинувшихся к югу от храма деревень, или из самой столицы. Время затишья, чтения, вязания шалей и носков. Сотканые из тонкой шерсти горных овец, пропитанные чуть-чуть Светом, эти изделия разной степени умения вязальщиков были весьма востребованным товаром на рынках столицы, да и по прочим городам и деревням расходились как только что испечённые ароматные булочки поутру у пекаря. Да и не удивительно, тончайшие едва ли заметные нити магии света защищали ноги владельцев от разных хворей, что было весьма нелишним для тех, кого эти самые ноги кормили. Охотники, пахари, охранники и солдаты, егеря и рудокопы, да всех и не перечислить. Конечно, магический заряд тускнел со временем, и порой в Храм приходили люди и приносили изделия на «подпитку», в чём жречество никогда не отказывало простому люду.

Кира любила вязать. Это успокаивало, помогало сосредоточиться, и поэтому все метели, что она пережила в стенах храма, были в её воспоминаниях сопряжены с приятным временем: в полумраке больших залов, с треском дров

в больших каминах, шёпоте послушников и глухим стуком то и дело падающих на пол клубков с шерстью. Но о том, что метель может быть страшной, послушница за своё недолгое путешествие уже удалось узнать. Поэтому спорить с Филом она не стала, поравнявшись со спутниками и прижавшись к Прянику. Конь будто чувствовал надвигающуюся бурю, а поэтому капризы бросил и устремился вперёд вместе наравне с Хмарью и Лисом.

Понятное дело, что в пути было не до разговоров, всадники сосредоточенно гнали лошадей переменным аллюром, то и дело оглядываясь, чтобы угадать, как скоро их накроет выюга. И по мере того, как предутренняя темнота рассеивалась, как поднималось где-то впереди солнце, так за спиной становилось всё холоднее и страшнее. Розоватый весенний рассвет рассыпал по хрупкому снежному насту разноцветную сверкающую пыль. Но времени полюбоваться этим не было. Кира едва разбирала дорогу из-за постоянно сползающего от скачки капюшона на лицо. мех щекотал нос, лез в глаза, и в итоге пришлось капюшон-таки скинуть, обернувшись назад. Тёмный низкий фронт облаков был совсем близко. Дороги вдаль было не разобрать из-за заметающей её выюги. Кира посмотрела вперёд, где на горизонте виднелись крепостные стены. Ещё пока плохо различимой тёмной линией с чёрточками-башнями, но всё же открывшийся вид приободрил. У них есть шанс успеть.

Глава 3

Город медленно выросал впереди. Буря догоняла быстрее. Рассветное солнце отчаянно пыталось разогнать темноту за спинами всадников, но та то и дело цепляла их порывами пронизывающего ветра, заставляя вцепляться в поводья ещё крепче и ниже прижиматься к шее животного. Кира чувствовала холодное дыхание вьюги, видела крупные снежных хлопья, что обгоняли их, мелькали у лошадей под ногами, и тут же таяли в тёмной грязи раскатанной дороги. Снежно-грязевое месиво грозило тем, что любой из коней мог поскользнуться и упасть, скидывая всадника и оставляя его один на один с метелью, что кинется на случайную жертву и растерзает ту ледяными ветрами.

Крепостная стена впереди поднялась ещё выше, приобрела цвет и из неясно-чёрного стала скорее тёмно-серой, каменной. На боевом ходу крепости виднелись бегающие люди, вероятно стражники, Кира не особо всматривалась, занятая тем, чтобы удержать Пряника и удержаться самой.

Буря подбиралась ближе, ветер стал сильнее и принёс с собой ещё больше снега. Крупные мокрые снежинки застревали в волосах, попадали в глаза, задерживаясь на ресницах, липли к гриве коня. Вокруг стало значительно темнее, и обо-

рачиваться даже если бы была возможность, Кира не хотела. Она слышала, как тяжело уже дышит не только её конь, но и Хмарь с Лисом. За глухим воем ветра и топотом копыт эти хриплые тяжелые вздохи отзывались в груди страхом. Вдруг они не успеют?

Щурясь, Кира подняла взгляд, рассматривая стену, а ещё наконец-то сумела разобрать, где находятся ворота. Закрытые. Ворота закрыли! Страх взвился из груди куда-то под нёбо, заставляя вдруг запаниковать, отчего руки непроизвольно потянули уздечку на себя. Пряник замешкался, не понимая, что ему делать, начал было тормозить, но послушница завопила:

– вперёд, вперёд, вперёд! – шибанув коня пятками, за что тут же стало стыдно перед животным. К счастью, промедление было секундным, хотя в их ситуации и такое могло привести к катастрофе.

И в топоте копыт, воющем ветре, своём сбито́м дыхании и клокочущем в ушах сердце, Кира услышала, как с лязгом с ворот подняли засовы, и застонала огромная створка, открываясь. Впереди отчётливо уже были видны люди. Толкающие дверь, закрывающиеся от ветра, что швырял в их лица пригоршни мокрого снега. А затем вдруг голос. Громогласный, объёмный, огромный и заполнивший в моменте собой

всё пространство. Девушка вскинула голову в попытке понять, кому этот голос принадлежит. И на крепостной стене увидела воздевшего в сторону бури руки мужчину в длинной тёмной мантии. Воздух из-под его ладоней будто шёл волнами, расходясь и создавая незримые круги, как если бы воздух был водной гладью, в которую кинули камень.

– Наконец-то! – радостно воскликнул Фил. – Неужто так сложно было найти в этом городе мага!

Мага... У Киры слезились глаза, в которые попадал снег, но ей так хотелось смотреть на человека, который управлял воздушными потоками и сейчас выгадывал и всадникам время, буквально создавая какой-то барьер на пути метели. Снег вблизи крепости и правда стал спокойнее, но за спиной путешественников всё ещё волочила по земле тёмно-серое брюхо снежная буря.

Послышались крики. Стража у дверей подбадривала всадников, махала руками, и троица устремилась в открытую створку крепостных ворот. Проскочив одни за другим, компания не сразу остановилась, кружа по площадке у ворот, и стараясь успокоить разгорячённых лошадей, которые то и дело пытались встать на дыбы.

– Спасибо! – Выдохнула Кира, прижимаясь расслабленно

к шее Пряника, который успокоился первым. Ей казалось, что всё позади, внутри крепостных стен они в безопасности.

– Уходите с улицы немедленно! – Шагнул к ней один из стражников. – Дальше по дороге таверна. Быстрее!

– Неужто ваш маг не справится с бурей? – заворчал Филип, едва удерживаясь в седле беспокойного Лиса.

– Потом будете задавать вопросы! И так из-за вас рисковали! Вперёд!

Лязгнули за спиной закрытые ворота. Всадники повернули коней в сторону, куда указал стражник, и прибавили ходу. Кира осмотрелась: ставни многих домов были закрыты, на улице кроме встретивших их стражников никого не было. Девушка обернулась. Низкие тёмно-сизые облака подобрались вплотную к городу. Тёмная мантия мага терялась на фоне беснующейся бури, которая, ударившись о невидимую преграду, поднималась всё выше и выше, заслоняя собой светлое утреннее небо. Но магический заслон не мог полностью удержать непогоду, и юной послушнице в лицо ветер швырнул липким снегом, подгоняя её. Кира зажмурилась, крепче ухватилась за поводья, а после повернулась, ладонью смахивая снег с лица и поворачиваясь вперёд. Проморгавшись, она увидела дальше по улице качающуюся на

ветру вывеску трактира, под которой стоял человек с факелом, пламя которого сильно колыхалось.

– Сюда, сюда! – закричал человек, а после махнул в сторону, и откуда-то появилось трое разновозрастных мальчишек, которые приняли у всадников коней, уводя их прочь, пока мужчина сопровождал прибывших в таверну.

– Не беспокойтесь, – закрывая за гостями дверь на тяжёлый засов, проговорил он, – о лошадях позаботятся, спрячут от бури, накормят и напоят, а вы раздевайтесь, да ближе к очагу, располагайтесь у нас сейчас мало посетителей.

Кира осматривалась по сторонам, пытаясь справиться со шнуровкой плаща. Окоченевшие пальцы шевелились так себе, ноги от напряжения тряслись и всё, что послушнице хотелось – это скорее добрался до приветливо потрескивающего пламени.

– Спасибо, – нестройно забормотали путники, торопясь подойти к огню. Всех трёх потряхивало от скачки, но с тем, чтобы скинуть холодную верхнюю одежду и расположиться около очага им сил хватило. В зале было пусто, хотя это вряд ли удивительно в такую погоду. Или наоборот?..

– Да уж, утренний корабль мы точно пропустим, – заворчал Филип, располагаясь на низкой лавке и вытягивая к ог-

ню ноги. – Но кто ж знал, что так выйдет.

– Весенние метели непредсказуемы, – принялась будто оправдываться Кира, опускаясь рядом. Шиня подтащила поближе стул и раскинула на его спинке промокший плащ.

– Ничего страшного, переночуем тут, – проговорила женщина, садясь на лавку и протягивая к пламени руки. За спиной раздались шаги и перед группой появился встретивших их ранее мужчина. В руках у него было три кружки.

– Вот, держите, быстрее согреетесь, – с улыбкой протянул он угощение.

– Что это? – настороженно спросила Кира, сунув нос в кружку, от которой шёл пар. Напиток внутри пах специями и сладкими ягодами.

– Пей, – ткнул её в бок Филип, благодарно кивая на подношение.

Пожав плечами, послушница аккуратно потянула горячую жидкость. В нос неприятно ударили хмельные пары. Но сладость и пряность напитка смазали это ощущение, и Кира сделала глоток.

– Вкусно, – закивала она, кивая стоящему рядом трактирщику. – Надеюсь, он не очень крепкий? – Всё же забеспокоилась девушка. Мужчина хохотнул, а на плечо послушницы опустилась рука Шинаи:

– Не бойся, кроха, мы рядом, и буянить тебе не дадим.

Кира прыснула смехом и сделала ещё один глоток. Напиток приятно согрел изнутри.

– Может быть что-нибудь подать? Мясо мы запекаем к вечеру, но сейчас есть горячая похлёбка, да и всякого ещё можно собрать.

– Было бы отлично, – проговорил полурослик. Мужчина отошёл, а Кира повернулась к Филипу:

– почему он с нами так обходителен?

– А кто ж его знает, человек он такой, – пожал плечами Фил, – ну или надо что-нибудь...

– Что, например? – Похолодела послушница. Ей хватило приключений в городке у предгорья.

– Без понятия. Пей, Кира, остынет. Может, и ошибаюсь я,

но когда предлагают пожрать, я не против.

Девушка замолчала, уткнувшись в кружку. Она чувствовала, как от тепла напитка и тепла пламени тело её, скованное страхом и скачкой, медленно расслабляется. От пережитого её то и дело потряхивало мелкой дрожью, и каждый раз она делала глоток, надеясь эту дрожь унять. Вскоре в голове чуть зашумело, а ведь она не выпила и половины содержимого кружки. Стало даже немного жарко, и девушка растегнула верхние пуговицы тёплого платья.

– Ты поаккуратнее, кроха, – подала голос Шиная, – на стресс хмель ложится слишком хорошо.

– И на голод, – добавил Филип.

– И на голод, – кивнула Шиная. – Так что ешь, когда пьёшь, и не пей больше, чем требуется, чтобы успокоиться, когда нервничаешь.

– Да я как-то вообще не особо, – начала виновато бормотать Кира, но в её сбивчивую речь вклинился оклик хозяина таверны. Девушка повернулась, обнаружив мужчину около стола, с улыбкой подзывающий гостей. Послушница заняла свободный стул и осмотрела угощения. Разлитая по мискам похлёбка очень приятно пахла, да и на вид была аппетитной.

Рядом лежали в тарелках варёные яйца, лепёшки, соленья и кусочки вяленого мяса.

– Щедрый стол, – озвучил Филип мысли Киры. Нет, конечно та не жила в храме впроголодь, но даже ей было понятно, что такие угощения выставляют не просто так.

– Ну что вы, – засмутился мужчина, но под хмурыми взглядами гостей, сдался, всплеснув руками, – ладно, раскусили, мне тут сказали вас как следует принять.

– Кто? – Спросила Шиная. Она сидела, поставив локти на столешницу и не торопилась приступать к трапезе.

– Дейн. Маг, который удержал бурю. Подождите, он должен подойти и поговорить с вами, моё дело гостей принять, я ничего не знаю.

Ждать пришлось всего ничего. Хозяин таверны даже не отошёл от стола, что позволило бы троице обсудить новую информацию, как в дверь в таверну постучали, и когда таверщик открыл, в вихре снежного ветра внутрь вошёл молодой мужчина. Дверь, впрочем, закрыл легко, будто бы снаружи не бушевала метель. Удержать-то бурю, может, маг и удержал, но очевидно лишь для того, чтобы всадники успели заскочить в город. Кира смотрела на мужчину, с которым

хозяин таверны заговорил, махнув в сторону их стола рукой.

– Интересно, что нужно от нас маговской братии? – про-
бормотал Филип, посмотрев на Шинаю. Та дёрнула плечом,
протягивая руку к лепёшке:

– узнаем. Ешьте, думаю, что господин маг к нам присо-
единится.

Так и вышло, переговорив с тавернщиком, маг скинул в
его руки плащ, а сам направился к столу. Кира поняла, что
то, что она приняла за мантию было плащом, а сам маг был
в обычной одежде, которая даже никаких опознавательных
магических знаков не имела.

– Добрейшего утра, – проговорил он и послушница
невольно заслушалась тем, каким приятным голосом обла-
дал незнакомец. – Рад, что вы добрались в целостности и сохран-
ности. Позвольте присоединиться?

– Разумеется. – Кивнула Шиная, – иначе как мы узнаем,
что тебе нужно.

– О, здесь никакой страшной тайны или заговоров. Но
давайте сначала поедим. Меня зовут Дейн. И к вашему
счастью, вам нет нужды представляться. Филип, Шиная
и... Кира, – мужчина посмотрел на послушницу, заставляя

её вспыхнуть смущением. Мужчина был привлекательным. Нельзя сказать, что у Киры не было опыта общения с противоположным полом, но в храме это ощущается иначе. Ты видишь послушников и жрецов всё время, растёшь с ними, и воспринимаешь их как часть семьи. А тут... Дейн абсолютно точно был одной с ней крови, таким же воздушником и скорее всего даже чистотой крови мог бы поспорить. Светлокожий, тонкокостный, с внимательными голубыми глазами. Чуть выющиеся растрёпанные светлые волосы, мягкая улыбка. Абсолютно располагающий к себе Дейн вызвал лишь улыбку и смущение, а после короткий кивок, мол да, я Кира.

– Ничего себе, – присвистнул Филип, наблюдая за коротенькой сценкой. А после подался к мужчине. – Мне бы так гипнотически влиять на дамочек.

Кира покраснела ещё больше, Дейн мягко улыбнулся, а Филип, хохотнув, вернул внимание содержимому тарелки. И только Шиная, сидевшая со скучающим видом, наконец-то подала голос:

– Ты и так успешно справляешься, – кивнула она Филу, а потом посмотрела на нового знакомого. Кира перевела взгляд на полурослика, и тут же стушевалась, ведь он уставился прямо на неё, чуть изогнув бровь. Послушница быст-

ро опустила глаза. «Успешно справляешься»? Филип был непривлекательным. Полурослики, которых она видела, были все как один милovidными. Носили аккуратные причёски, красиво одевались, были хоть и довольно себялюбивыми, но точно не обладали отталкивающей внешностью. У Филипа же была желтоватая кожа, вся в каких-то рытвинах, да и шрамов на лице было несколько, хотя в отличие от шрамов Шинаи они явно были старыми. Глаза его были необычного желто-красноватого оттенка, и как бы не хотелось рассмотреть их поближе, пялится было всё же неловко. Никаких полуросличных мягких черт у лица не было и в помине: острые скулы, провалы глазниц, вытянутое лицо, острый подбородок, покрытый чуть рыжеватой щетиной, что придавала лицу ещё более неопрятный вид. Волосы на голове тоже рыжеватые, жидкие и тонкие, но до них, кажется, Филипу не было никакого дела. Тонкий крючковатый нос, абсолютно точно сломанный, о чём свидетельствовала чуть искривлённая переносица, снабжённая к тому же полоской едва заметного шрама. Тонкие губы, которые он очень часто или кривил или растягивал в улыбке настолько хищнически-пугающей, что становилось не по себе. Хотя и без улыбки весь его вид был достаточно угрожающим несмотря на рост и телосложение. Он был высоким для обычного полурослика, лишённый в движениях той ленивой мягкой лёгкости, что присуща его сородичам. Ездил на обычном коне, носил на поясе кинжал, и явно умел ими пользоваться. И вот на весь этот образ бро-

шенное Шинаей «успешно справляешься» в голове Киры никак не могло лечь хоть сколько-нибудь логично. Она мало что знала об отношениях полов, но уж точно могла сказать, что вряд ли бы какая послушница или жрица из Храма посчитала бы Филипа привлекательным. Другое дело Дейн...

– ...и если она не вынырнет из своих мыслей, мне точно придётся её стукнуть, – донёсся до девушки голос Шинаи. Кира мотнула головой, понимая, что всё это время смотрела в свою тарелку, задумавшись над брошенной женщиной фразой.

– А? – испуганно подалась послушница вперёд, натываясь на три пары глаз, смотрящих на неё. – Извините я... – ступевалась она, – я просто...

– Дейн говорит, что здешняя жрица Света получила от Илеи распоряжение послать кого-нибудь навстречу нам, когда ей стало известно, что мы с тобой встретились и отправились дальше. И именно жрица отправила Дейна на городскую стену, когда стало ясно, что близится буря, а мы задерживаемся.

На секунду, даже на крошечную её часть Кире вдруг стало обидно. За эти мгновения, пока она была погружена в себя, она уже успела повесить на появление мага рок судьбы, и пометать о том, как он присоединится к ним в путешествии, а

лучше – как они вдвоём отправятся дальше, оставляя и Фила и Шинаю позади.

– Жрица?.. – Послушница пыталась собраться, чувствуя, как пылают уши. Ей казалось, что все всё прекрасно видят и понимают, и от этого становилось ещё хуже. – Мне нужно с ней увидится?

– Не обязательно, я могу сам всё передать, – мягко улыбнулся Дейн. – Но если буря не утихнет, то она тебя навестит.

– Если буря не утихнет, – заворчал Фил, – неужели господин маг не может утихомирить стихию?

– Может. Но не рекомендуется. Я закрыл город куполом, который срезает половину силу ветра. Но за дверью всё равно метель, а корабли всё равно останутся пока что в порту. Весенние бури нельзя так просто развеивать – это важный природный процесс, а вмешиваться в дела природы неблагодарное занятие.

– И сколько нам ждать? – спросила Шиная.

– Очень надеюсь, что несколько часов. Если метель утихнет, то корабль днём выйдет из порта. Если нет – то до следующего утра. Такая погода редко держится долго.

Кира зачерпнула похлёбку. Илея знает, что она встретилась с проводниками, и предупредила здешнюю жрицу о том, что послушница в пути. За ней следят, и это с одной стороны радовало, а с другой раздражало. Если её поход должен быть тайным и одиночным, то почему кого-то нужно предупреждать? Так будет и дальше? Её будут ждать в каждом крупном городе жрица, которая будет отчитываться Матери-Настоятельница? А в чём тогда смысл этой скрытности?..

– ...Кира! – рявкнули рядом, и послушница подпрыгнула, роняя ложку обратно в похлёбку.

– Что? – уставилась она на Фила, который её позвал. Он качнул головой в сторону Дейна. Послушница посмотрела на мага. То улыбнулся и повторил:

– Я говорил твоим спутникам, что не будь у меня обязанностей перед городом, то пустился бы в путешествие вместе с вами. Магия Воздуха будет полезна в любом начинании.

– Да? – подался к магу Филип, ткнув в его сторону вилкой, – расскажи мне о пользе воздуха в рыбалке, например.

– Ну-у-у, – Дейн опёрся на сложенные перед собой руки. – Я могу создать пузырь вокруг твоей головы или тела или вообще сделать твоё тело непромокаемым, и ты совершенно

спокойно погрузишься в воду и...

– Я думал, что ты сможешь развести воду воздушными потоком, обнажить дно, а я попросту соберу всю оставшуюся там рыбу, – перебил Филип

– А ещё я могу ударить по воде молнией и вся рыба всплывёт, – улыбнулся маг

– Вот! Вот это уже другое дело! – рассмеялся полурослик. Кира вяло ковырялась в тарелке, слушая разговор не очень внимательно. Есть уже не хотелось. Тепло пробралось под кожу, расслабляло натруженные скачкой мышцы.

– Хочешь отдохнуть? – Пробормотала Шиная, – проводить тебя в комнату?

– Я была бы не против, – протянула Кира и неожиданно для себя зевнула. Потёрла глаза, не понимая причин такой резкой сонливости. Неужели эта игра наперегонки с бурей так сказалась? Она зевнула ещё раз, провожая взглядом поднявшуюся из-за стола Шинаю. Филип и молодой красивый маг продолжили обсуждать применение магии Воздуха в нестандартных для неё условиях, и, кажется, нашли общий язык. Да что такое! Кира снова зевнула, будто бы никак не могла вздохнуть как следует.

– Идём, – раздался рядом голос Шинаи и руки женщины подхватили девушку, помогая подняться из-за стола.

– Я что-то сильно зева-а-аю, – протянула, зевая, Кира, опираясь на спутницу.

– Ложись отдохни, кроха, – улыбнулась Шиная, помогая послушнице добраться до лестницы, а следом и подняться по ней. Кира продолжила зевать, и когда женщина завела её в комнату, где горел камин, а кровать так и манила, послушницу как током ударило: она зевает, потому что ей не хватает воздуха! Но страх не успел сформироваться, девушка опустилась на кровать и вытянулась, а Шиная накрыла её шерстяным одеялом, и следом за этим действием веки Киры сомкнулись и она уснула, не успев ничего сказать спутнице.

Проснулась девушка тут же. Во всяком случае ей так показалось, потому что ощущение тревоги, колотящееся сердце, а ещё навязчивая мысль, что её внезапная сонливость – это не просто пережитый стресс, никуда не исчезли. Она села в кровати, осматриваясь. А вдруг её бросили? Вдруг этот Дейн с ними заодно, и, наслав на неё какое-то засыпательное заклинание, помог им сделать свои тёмные дела?

Нет, вон у потрескивающего камина стоят её вещи, на сту-

ле висит её плащ. Сюда кто-то приходил? Как же крепко она спала...

Кира поднялась на ноги, подходя к окну, закрытое с внешней стороны ставнями, но в тонкие щели пробивается солнечный свет. Ещё не вечер, но её не разбудили раньше и значит, погода не стала лучше и им теперь ждать до завтрашнего утра. Девушка шагнула к двери, остановилась около неё и прислушалась. Тишина. Она осторожно выскользнула в тёмный коридор, пощёлкала пальцами, вызывая световой шарик и двинулась к лестнице. Снизу доносились голоса. Трое из них были Кире известны, а двое незнакомы, и чтобы разобраться, что они там говорят, послушница села на корточки на краю лестницы, обнимая колени руками. Но слова всё равно были неразборчивы. Словно они искажались, как если бы кто-то говорил в шерстяной шарф. Кира нахмурилась и спустилась ниже на ступень. А потом ещё на одну. И ещё. А потом услышала:

– Если уж взялась подслушивать, то делай это умно, кроха, – и Филип появился у подножия лестницы, рассматривая её. – И перво-наперво следи за тем, что может тебя выдать, – он кивнул на плечо девушку, над которым висел светлый шарик. А следом за полуросликом в поле зрения девушки появилось ещё трое: Дейн, и незнакомые мужчина с женщиной. Впрочем, в последней Кира быстро распознала жрицу Света

по отличительным знакам на одежде.

– Пусть спускается, – крикнула Шиная, которая к лестнице, видимо, предпочла не подходить. Кира поднялась со ступеней и быстро спустилась вниз. Зал был пустой. Даже за стойкой никого не было.

– Кира, познакомься с жрицей Сальмией и бургомистром Ратиром, – представил их Дейн. – они пришли убедиться, что у тебя всё хорошо. Ветер стихает, но всё заваливает снегом, и из порта никто в такую погоду не выйдет. Так что сегодня вы остаётесь тут.

– Мать-Настоятельница приказала убедиться, что с тобой всё в порядке, – проговорила Сальмия. – Она рассказала мне, что случилось в Тонлоке, и не беспокойся, из Храма уже выступили три сестры в сопровождении. Что бы ты не встретила, это изгонят из города.

– Хорошо, – закивала Кира, чувствуя, что ей становится легче. Она всё ещё переживала, что её действия на самом деле принесли больше вреда, чем пользы. Но теперь она была спокойна.

– Мать-Настоятельница написала и мне, – подал голос бургомистр, – о сопровождении на корабль, выделении ка-

юты. Я подумал, что нужна ещё охрана, но глядя на твоих спутников я думаю, что ты в надежных руках.

– Почему...почему я не слышала, что вы говорите? – спросила послушница, понимая, что это интересует её куда сильнее, чем наличие или отсутствие охраны.

– О, это моя вина, – улыбнулся Дейн. – Я наложил заклинание, которое не позволяет никому слышать разговор людей в определённом радиусе. Ты была вне его и поэтому максимум могла различат голос.

– Угум, – кивнула Кира, надеясь, что её лицо никак не выдаст каких-либо эмоций. Она повернулась к спутникам. – Так что? Просто остаёмся тут до утра?

– Да, – кивнула Шиная. – Отдыхаем. Набираемся сил.

– Может быть, лучше выйти на прогулку? Ветер вот-вот стихнет, я клянусь, – улыбнулся маг. – Когда ещё побываете здесь?

– Не сказать, что я питаю страсть к Осаху, – пробормотала Шиная. Кира повернулась к женщине чуть хмурясь. Та сидела совсем рядом с огнём, вытянув ноги и запрокинув назад голову. Вид её, скучающий и недовольный, нагнал на

послушницу смесь тоски и обиды. Она-то поди видела весь мир, а Кира за всю жизнь выбиралась разве что в деревеньки недалеко от Храма и вот сейчас.

– Полно вам, – пробормотал бургомистр, – у нас тут очень хорошо. Конечно, метель принесла свои правки в распорядок жизни города, но и из этого мы можем извлечь пользу. На центральной площади ребятня возводит крепости и горки, да и некоторые торговцы не боятся непогоды и предлагают горячие напитки.

– Вставай, Шиная, – заворчал Фил, заметивший, с каким интересом Кира слушает господина Ратира. – На корабле особо не погуляешь.

Женщина повернула голову, осматривая присутствующих и останавливаясь на Кире. Та ступевалась, почувствовав, что всё это происходит из-за неё, но упрямо выдержала недовольный взгляд. Честно говоря, ей очень хотелось погулять. Просто спокойно погулять, не бежать в неизвестность из Храма, не скакать от бури, а пройти в окружении тех, с кем не надо прятаться и притворяться, и посмотреть на снежные крепости и открытые лавки.

– Ой ну хорошо! – всплеснула руками Шиная, поднимаясь, – разжалобите кого угодно. Одевайся, – повернулась она

к Кире. И девушка поспешила наверх. Она собралась очень быстро, натянула подсохший плащ, варежки, даже достала собственноручно вязаный чепец, под который заправила волосы. И когда девушка спускалась, то застала часть разговора между бургомистром и Шинаей:

– ...я распоряжусь, чтобы вам подготовили ближайшую баню. Обычно в метели мы держим эти заведения закрытыми, но войдём в положение, учитывая вашу ситуацию.

– Спасибо, – кивнула женщина, проводила покидающего таверну бургомистра взглядом и повернулась к послушнице. – Не знаю как ты, но я собираюсь смыть с себя дорогу.

– Да, я тоже, я тоже хочу, – залепетала Кира, мечтающая о помывке уже несколько дней.

– Отлично, – снова кивнула Шиная. – Идём, остальные уже ушли.

Они вышли на улицу, и Кира зажмурилась от яркости: улица была завалена белым сверкающим снегом. Солнце поднялось в зенит, а это значит, что послушница проспала несколько часов. А ей казалось, что прошло всего ничего. Странно...

Столица Северного материка звалась Гилорк. И распола-

галась она чуть-чуть севернее, чем город, в котором находились сейчас путешественники. На самом деле Осах когда-то был портом. Очень большим, надо сказать, со своей атмосферой, администрацией, заведениями, складами, торговыми компаниями и прочим. Он находился слегка поодаль от столицы, которая всё пыталась стянуть поясом крепостных стен разрастающиеся улицы и множась дома. Но в какой-то момент Правящий Совет города решил, что смысла сдерживать рост города нет никакого. И со временем два города слились в один. Но осталась негласная граница. «Северяне» не особо любили «южан», а те отвечали взаимностью, впрочем обходилось без прямых конфронтаций, проявляясь иногда лишь на бытовом уровне.

Кира вспоминала об этом, пока они шли по улицам города. Преимущественно одно-двух этажные дома, отведённые или под жильё или на первом этаже располагалась какая-то лавка. Девушка успела увидеть сапожную мастерскую, рядом находился явно охотничий домик, судя по приколоченым над дверью раскидистым оленьим рогам. Видимо, где-то здесь должны были ещё выделывать кожу. Ещё она увидела лавку травника, успев рассмотреть сквозь оконце висящие пучки трав и стоящие на полках склянки. Посмотрела бы ещё, но послушницу одёрнули, уводя дальше.

И, наконец, они дошли до центральной площади. Доста-

точно людной, но в основном тут были разномастные дети. В шубках и куртках, совсем маленькие и ровесники Киры, вся эта шумная компания рассыпалась по площади, строя снежные крепости, лепя снежных баб и просто барахтаясь и валяясь в снегу. Забавно, но видевшие снег большую часть года, детвора всё равно радовалась белому пушистому покрову, что легло на площадь и улицы. И если с последних его сноровисто сметали, чтобы обеспечить горожанам хоть какой-то проход, то на площади спокойно пройти можно было только по кругу по протоптанным тропкам.

– Ну, кто как хочет, а вот оттуда пахнет грогом, – заявила Шиная и направилась в сторону лавки, из трубы которой валил дым, а одно из окон было приветливо распахнуто.

– И часто она пьёт? – шёпотом спросила Кира у полуротлика. Тот усмехнулся:

– не переживай, утром будет трезва. Ты иди, кроха, веселись.

– Да я... – «я не знаю как» хотелось сказать ей, но девушка промолчала. Не говорить же Филу о том, что она понятия не имела, как знакомиться со сверстниками. Она росла под одной крышей со своими друзьями, и появление новых детей в Храме выглядело совсем иначе – это они были новенькими.

Своё же появление Кира помнила смутно, да и в возрасте она была таким, что завести друзей особой проблемы не было. А тут... тут другое. Она всё ещё была во многом ребёнком. Слишком юной, всего лишь послушницей, вместе с тем уже достаточно взрослой, чтобы путешествовать в одиночку. Но общее веселье, валяющиеся в снегу или строящие что-то из него дети наполняли Киру нетерпением и желанием присоединиться. Смущающим её же желанием, потому как рядом были серьёзные взрослые, и ей полагается в её миссии быть очень серьёзной, но...

– Ха! Получай, гоблин! – раздалось откуда-то сбоку и Кира успела только взгляд перевести, как Филипу прилетело снегом прямо в лицо. Девушка похолодела, а следом дёрнулась было вперёд, в неясной попытке защититься, чувствуя смесь злости, обиды и какого-то стыда, но полурослик оказался куда проворнее. Он наклонился, быстро катая снежок, и метко отправил его обидчику. И, судя по разнёсшемуся над площадью крику – попал. Кира улыбнулась обернувшимся к ней Филу и наклонилась было к снегу, чтобы скатать новый снаряд, но неожиданно для себя получила по пятой точке. Резко выпрямилась, вспыхнувшая возмущением, Кира обернулась, утыкаясь взглядом к ужасу своему в разводящего руками Дейна, который стоял чуть поодаль. Дыхание спёрло, щёки заалели, но в груди заклокотала несправедливость, поэтому послушница скатала снежок и со всей силы швырнула

его в сторону мага.

– Нечестно! – вырвалось у Киры, когда снежок резко изменил траекторию и она поняла, что мужчина использовал магию. Тот пожал плечами и наклонился за новой порцией снега. Девушка кинулась вперёд, сминая снежок— Ах так!

И, пожалуй, всё это не было лишним в их очень важной миссии. Всё равно корабль сегодняшним днём не выйдет из порта, так смысл сидеть в четырёх стенах? И уж точно это не было лишним для самой Киры, которая смогла наконец-то немного выдохнуть и расслабиться, отдаваясь снежным забавам. Познакомиться с мальчишками и девчонками, прикнуть к одной из крепостей, обстрелять взрослых, втянуть в игру даже Шинаю в конце концов, когда кто-то из мальчишек умудрился-таки попасть по женщине снежком и чуть не выбить кружку с дымящимся напитком из рук. Кара её была жестока: Шиная оказалась очень метким стрелком, и безжалостной, лепя и швыряя в детвору снаряды со всей силы. Впрочем, получая то и дело в лицо комья снега, дети не расстраивались. Разделились на тех, кто строит крепость, кто катает шарики, а кто ведёт огонь – и уверенно держали оборону. Взрослых было трое, а ребятни человек пятнадцать. Но на стороне противника был маг-воздушник. Который, к слову, всё же оказался не всесильным. Ну, или поддавался. Киры почему-то хотелось думать, что он поддавался. Ведь когда

подходила её очередь стрелять, она целилась в Дейна. И всегда попадала. Это ощущалось дёргающим живот восторгом, глупой улыбкой на раскрасневшемся лице и попытками поправить сползающий на лоб чепец, из-под которого пробивались тонкие светлые прядки, которые тут же становились мокрыми и противно липли к коже.

Но в хохоте, азарте, беготне, промокших в конце концов варежках и сапогах Кира оставила тревоги, что терзали её эти дни. Она впервые с момента выхода из Храма почувствовала себя просто девчонкой-послушницей, которой посчастливилось побывать в столице, увидеть улицы Осаха, поиграть в снежки. Пока ещё можно, пока ещё она может отчасти считаться ребёнком, которому это позволено. Ведь следующую зиму она встретит девушкой, которой это будет не по возрасту. Хотя... глядя на троицу снежных противников становится понятно, что это всё ерунда, и играть в снежки можно в любом возрасте.

Но это ведь – исключение? Есть же рамки приличия, поведения и прочее, что она видела и своими глазами, о чём читала в книгах. Игры и забавы согласно возрасту. И будь она горожанкой, то через год от неё совершенно справедливо бы ожидали самоопределения, возможного замужества или хотя бы интереса к этой стороне. А интереса не было! Ну... то есть был, наверное. Но какой-то неоформленный, глупый

какой-то, нереалистичный и неуместный. И каждый раз когда ёкало от встречи с голубыми глазами, она тушевалась, а поэтому швыряла в мага снежок с остервенением, будто он виноват в том, что творится у неё под рёбрами. Впрочем, наверное и виноват.

Уходили с площади через несколько часов. Вымокшие и взмокшие. Перезнакомившиеся с ребятнёй, которая тоже разбегалась по домам. Площадь представляла собой поле боя: разрушенные крепости, вспаханный снег, следы от снежков на стенах здания. Чудом не разбили ни одного окна. Очень хотелось есть, но Шиная заявила, что сначала они пойдут в баню, чтобы привести себя в порядок, а потом уже будут есть. Желание помыться толкало Киру вперёд. В таверну, наверх, скинуть мокрый плащ, оставшись в куртке, положить на стул перед камином варежки, чепец, подержать руки у огня, а потом, вытащив из сумок необходимые для водных процедур вещи, нетерпеливо ждать Шинаю в коридоре.

Бургомистр не обманул: подготовленная баня была в двух шагах. Их встретила женщина, сообщая, что всё готово и их никто не побеспокоит.

– Отлично, – проговорила Шиная. В руках она держала небольшую торбу, скинула куртку, и Кира последовала её примеру. Она никогда не была в общественных городских

банных, а купальня в храме выглядела несколько иначе. Поэтому девушка повторяла всё за спутницей. Разделась, расчесалась, взяла завернутый в тряпицу кусок мыла и шагнула следом за женщиной к другой двери. За ней скрывалась купальня. Крошечные окошки под самым потолком для доступа хоть какого-то света, чуть ниже небольшие ниши в стенах, где прятались масляные лампы. Кира знала, что такие ниши облицовывают слюдой, чтобы даже скудный огонёк масляной лампы казался ярче. Так и было. Хотя всё равно света было маловато. Девушка пощёлкала пальцем, вызывая светящийся шарик, и отправила его под потолок.

– Удобно, – улыбнулась Шиная. – Спасибо.

Женщина не обращала на послушницу особого внимания, да и к чему оно, ребёнком, которому нужна помощь, Кира всё же не была. А вот та напротив то и дело смотрела на спутницу. Ещё при первой встрече Кира увидела шрамы на лице женщины. А теперь с удивлением отмечала, что шрамы есть и на теле. На спине, руках, бёдрах, груди... Любопытство горчило на языке, но послушница прикусывала его кончик, сосредотачиваясь на банных процедурах. Вымыть волосы – целое дело. Она намочила их в тазу, намылила как следует, вымыла тело, а после принялась всё это смывать. Мыльная вода щипала глаза, таз был тяжелым и то и дело пытался вырваться из рук, когда Кира поднимала его над го-

ловой, обливаясь водой, и в итоге ощущение чистоты стоило всех трудов. Даже голод, кажется, отступил, когда девушка сидела на деревянном настиле, чувствуя, как усталость покидает её тело след за грязью. Здесь было тепло, тихо, темно, и уходить не хотелось.

– Я одежду-то возьму простирнуть? – раздался из-за двери женский голос. – К утру будет готова, пришло в таверну, не волнуйтесь!

– Хорошо! – крикнула Шиная в ответ, а после повернулась к Кире. – Кто знает, когда в следующий раз выпадет такая удача.

– Но как же мы пойдём назад? – зашептала послушница.

– Обычно оставляют местные платья и плащи. Не переживай, одежда чистая. И добежать до таверны хватит. А там переоденемся. У тебя же есть другая одежда?

– Да, я взяла, – пожала плечами Кира. – А точно высохнет?

– Точно. Мы среди твоей братии, и кроме Дейна тут точно есть ещё какие-нибудь маги, которым не сложно будет высушить одежду.

– Прикладная магия, – пробормотала Кира. Конечно она знала об этом, но не подумала. Стихийная магия – это не только для остановки бурь. Да в основном не для этого. А вот поддержать тепло, наполнить паруса ветром, сделать почву плодородной...

– Идём? – Спросила Шиная, должно быть, во второй раз. Послушница поднялась, шагая к двери. В соседней комнатке их действительно ждали платья и плащи. Обувь осталась своя. Мокрые волосы Кира замотала в отрез хлопковой ткани, а потом спрятала под капюшон плаща. Тот был немного велик, но это и к лучшему – можно было как следует запахнуть.

Около входа в баню расхаживал туда-сюда Филип. Кира смутилась, вжимая голову в плечи и стараясь держаться за плечом Шинай.

– Воды-то мне оставили, а? – шутливо заворчал полуротлик.

– Тебе хватит, – хмыкнула Шиная, шагая дальше. Кира поспешила за женщиной, и вскоре заходила внутрь таверны. Лестница была рядом, так что проскользнуть наверх не составляло особого труда. И добравшись до комнаты, по-

слушница наконец-то почувствовала себя в безопасности. Но прежде чем переодеться, закрылась на засов.

В комнате было тепло, девушка распустила волосы, расчесала их, и принялась искать вещи. У неё точно был ещё один комплект одежды. Платье, тёплые штаны, рубашка под низ, исподнее. Всё аккуратно свернутое лежало на дне сумки. Кира быстро оделась, а следом достала носки. Тёплые, вязаные, они сползали с голеней и девушка перетянула их тонкими лентами. Обувать сапоги не хотелось, да и просохнуть им не мешало бы. Ходить в носках тоже, посетители тащили с улицы снег, что таял и носки быстро бы промокли. Но у Киры были с собой тканевые туфельки для тёплой погоды, лёгкие с кожаной подошвой, они плотно садились на ногу на носок. И не холодно и не промокнет. Улыбаясь своей смекалке, Кира достала из сумки мешочек, где хранилась крошечная коробочка с порошком для чистки зубов и полоски льняной ткани. Положив это на комод, где стоял таз, кувшин с водой и висело полотенце, послушница напомнила себе, что утром нужно будет почистить зубы. Настроение её после помывки значительно улучшилось, и когда в дверь постучали, девушка тут же её распахнула, увидев в коридоре Шинаю.

– Идём, надо наконец-то поесть, – проговорила женщина. Она заплела косу и тоже выглядела куда свежее и счастливее,

чем в прошлые дни.

Внизу их уже ждал накрытый стол и... Дейн. Вот что-то, а увидеть мага было неожиданностью. Но голод был сильнее чем смущение, поэтому девушка села за стол, и принялась рассматривать яства. И то ли здесь тоже похлопотал бургомистр, то ли сам таверщик был щедрым хозяином, то ли Кира была так голодна, что у неё разбежались глаза, но стол на самом деле выглядел очень богатым. Здесь и вяленое и тушёное мясо, отварные корнеплоды, горячие лепёшки, сыр, пареные и квашеные овощи, а в небольших розетках стояли мочёные ягоды. Между тарелками и блюдами умещались кувшины с высокими тонкими горлышками и большая крынка, куда Кира сунула любопытный нос. Пахло кисло и сладко одновременно.

– Садись, – кивнула на один из стульев Шиная, пристраиваясь на соседний. Дейн уже накладывал себе что-то в тарелку, и послушница последовала его примеру, занимая место. Всё же сидеть за столом ей было куда привычнее, чем держать миску навесу в раскинутом неизвестно где лагере. Но, видимо, второй вариант обедов в дальнейшем будет встречаться куда чаще, чем вот такой. И высказывая наивысшее уважение повару, Кира положила себе на тарелку всего по чуть-чуть, почти что не смущаясь юношеского аппетита.

– Держи, – пробормотала Шиная, наливая девушке из кринки, предварительно понюхав содержимое. – Это сидр. Крепче спать будешь.

– Спасибо, – не стала спорить девушка. Ей не о чём волноваться: сегодня она проведёт ночь в закрывающейся комнате, а завтра в компании спутников отправится дальше. Да и что ей сделает одна кружка слабого хмельного напитка? Ничего. Она отпила, чуть морщась: сидр был сладким, но пощипывал язык.

– Позвольте поухаживаю? – улыбнулся Шинае Дейн, взяв за тонкое горлышко одну из бутылок.

– Вино меня не берёт, – усмехнулась женщина.

– Я такой цели не преследую, – парировал маг, наливая в кружки тёмно-гранатовое, почти чёрное вино. – Попробуйте, оно сладкое, пряное, соткано из если не из чистой страсти, то уж точно приправлено ею.

Внутри Киры что-то взвилось. Она попыталась это проглотить, запихнув в рот побольше еды, и принялась яростно пережёвывать, боясь поперхнуться. И чтобы этого на самом деле не произошло, девушка отпила из кружки, ощущая, как сидр мазнул по нёбу щиплющей кислотой. Боясь

закашляться, она большим глотком отправила всё в желудок, стало очень больно, дыхание спёрло, на глазах выступили слёзы. Но в этот момент распахнулась дверь, выпуская внутрь вернувшегося Филипа. Внимание сидящих за столом переключилось на полурослика, что позволило Кире вытереть выступившую влагу из уголков глаз и сделать ещё один глоток, меньше и не торопясь.

– Спаиваешь моих девочек, а, Дейн? – Вроде как шутливо проворчал Филип, подходя к столу и взяв стакан у Шинаи. – Вино? Ты не должна так страдать, любовь моя, – покачал он головой и залпом опрокинул в себя содержимое. – Подожди секунду. – Полурослик заковылял в сторону стойки. Кира в недоумении смотрела на эту сцену, отправляя в рот следующий кусочек картошки. Шиная покачала головой, а после пожала плечами:

– я же сказала, – теряя интерес к дальнейшему разговору и сосредотачиваясь на содержимом тарелки.

Кира же совершенно не понимала, что произошло. А ещё не поняла, что же внутри неё взвилось за безобидную приветливость со стороны Дейна. И запретила себе об этом думать. Какая разница? Завтра они уплывут. А он сказал, что у него нет возможности с ними отправиться в путь. Значит всё неважно. Ещё одним глотком сидра Кира попыталась смыть

подступившую горечь и злость. На себя, Дейна и почему-то Шинаю, хотя она-то тут при чём?

Помог снова Филип. Вернувшись с тёмной чуть пыльной бутылью в руках, он зубами стянул восковую пробку и ткнулся носом в горлышко. А следом удовлетворённо хмыкнул, наливая вместо вина Шинае что-то другое. С резким пряным тяжёлым запахом.

– Ну-с, продолжим. Чем угощают в этом доме? – он забрался на стул, садясь рядом с Шинаей, та в этот момент пробовала принесённый напиток. – Лучше?

– Как всегда, – улыбнулась она, а после налила снова налила себе, затем Филу и подняла кружку, – за встречу, за помощь в побеге от бури и за приключения, что нас ждут!

– За приключения! – Филип поднял кружку

– За приключения! – улыбнулся Дейн, потянувшись к ним со своим напитком.

– За приключения! – пискнула Кира, чокнувшись со всеми сидром, а после осушила кружку. Начинать так приключения не самый умный ход, но почему бы и нет?

А после трапеза переросла в попойку. Приличную, надо сказать, без мордобоя, но с рассказами о подвигах, если можно так сказать. С играми в трик-трак, напёрстки, кости и прочее, во что может играть поддатая компания, заливаясь хмельными напитками и весело проводя время в таверне, в которой все эти игры благодаря тавернщику и нашлись. Кира захмелела со второй кружки. И в дальнейшем просто сидела около очага, то и дело ухахатываясь с чьей-либо шутки и грозясь упасть или назад и поджариться, или вперёд и расквасить нос.

Это было весело. Познательно. Это позволило увидеть её новых знакомых простыми людьми, живыми, умеющими не только мастерски ставить лагерь посреди ничего, но ещё и шутить, смеяться, спорить. От этого было как-то очень тепло в груди. Или это сидр и сытость? Через какое-то время Киру начало клонить в сон. Разговоры стали серьезнее, но никаких планов, а лишь воспоминания. О приключениях, о временах, королях и мечях. О шрамах, потерях и приобретениях. Послушница клевала носом, осоловело смотря в одну точку. Ей хотелось туда, в эти рассказы о сражениях, о чудовищах, о сложностях и битвах. Она видела шрамы Шинаи в бане, и теперь они были не страшными изъяном – они были историей.

Послушница задремала, и это заметили не сразу. Но уви-

дев её, кое-как свернувшуюся на лавке, Дейн предложил отнести её в кровать, а Шиная вызвалась проводить. Кира ворчливо среагировала на то, что её подняли на руки, а после так же ворчливо завозилась в кровати, куда её уложили. Шиная сняла с девушки тапочки, а после где уговорами, где угрозами шепотом, заставила-таки переодеться в длинную сорочку. Наконец Кира забралась в кровать, подтянула одеяло и уснула, убаюканная едой, теплом и сидром.

Проснулась неожиданно. От громкого стука, а следом громкого стопа. Испугалась, садясь в кровати и прижимая руки к груди. В комнате был полумрак: умеренно горел камин, разгоняя темноту. А совсем рядом приглушенно стучали. Взгляд скользнул к двери, Кира медленно спустила ноги с кровати и встала. И только на полпути к выходу из комнаты её как ушатом воды окатили, заставляя замирать на месте и чувствовать на щеках горячий стыд. Она поняла источник стука. Стало очень-очень смешно, и очень-очень неловко. Девушка сдавленно хихикнула, тут же зажимая рот рукой. А после шагнула к кровати, стягивая с одеяла лоскутное покрывало. Закуталась в него, надела на босу ногу туфельки и высунула нос в коридор. И от раздавшегося из одной из комнат стопа вжала голову в плечи и поспешила вниз. Ей хотелось быть как можно дальше от источника этих звуков. Кира надеялась, что ей удастся посидеть около очага в зале таверны в одиночестве, но, к сожалению, лавка у очага уже

была занята.

– Не спится? – Повернулся к ней Дейн. И в один момент что-то внутри сильно обрадовалось, что он здесь, а не наверху, а с другой стороны – сейчас они тут только вдвоём.

– Ну-у... – стушеввалась Кира. – Я проснулась...

– У твоих спутников страстная натура, – хмыкнул Дейн, поворачиваясь к огню, а послушница почувствовала, как жар приливает к её щекам. Она понимала, что скорее всего это именно Шиная и Фил растревожили её сон, но старалась об этом не думать. А теперь думала! Это ведь...

– Они старые друзья, – замотала Кира головой, прогоняя из головы непристойные картинки и делая шаг к лавке.

– Это видно, – мужчина подвинулся, позволяя послушнице сесть. В этот момент наверху что-то гроыхнуло. – Видимо, очень близкие друзья.

Кира прыснула смехом. Неловкость чуть отступила, когда она села, но вернулась трёхкратно сильнее через секунду, когда она поняла, что сидит здесь в сорочке на голое тело, прикрытая покрывалом.

– Почему вы здесь? – Спросила девушка, запахиваясь. Дейн вопросительно посмотрел на неё, и Кира торопливо пояснила, – ну, я думала вы пойдёте домой...

– О, счастлив быть избавлен от компании драгоценной сёмейки хотя бы на день, – качнул мужчина головой, снова повернувшись к огню. Кира залюбовалась его профилем. Точёный нос, скулы, большие голубые глаза, чуть вьющиеся светлые волосы...

– «Проклятье привлекательности» – вдруг произнёс мужчина, отвлекая Киру от созерцания.

– Что? – Неосознанно подалась она вперёд, не понимая, о чём он говорит.

– На меня наложено проклятие привлекательности, – Дейн повернулся к послушнице. – И поэтому я кажусь тебе очень красивым. И не только тебе. Но я ничем не лучше любого из нашего народа, да и не только нашего.

– Я... – завела Кира, не ожидавшая этой речи и не имеющая никакого понятия, что нужно говорить в таком случае. Поэтому опустила глаза, выдохнув неуместное, – извините.

– Не извиняйся. Ты не виновата, – мужчина протянул ру-

ку и аккуратно взял ладошку послушницы. Пальцы его были неожиданно прохладными. В отсветах пламени их бледная кожа словно светилась. Дейн раскрыл ладошку девушки, а сверху накрыл своей, медленно поднимая её. Через секунду на руке Киры появилась крошечная тучка. Послушница улыбнулась, глядя на то, как тучка парит над ладонью.

– Ой! – вырвалось у девушки, когда по тучке пробежались тоненькие молнии. – Как красиво! – Она подняла глаза, упираясь во взгляд Дейна. В полумраке зала, с пляшущими отсветами пламени, голубой взор мага был завораживающе-прекрасным. Сердце Киры заколотилось где-то в горле, дыхание перехватило, а в голову полезли мысли о том, что мужчина совсем ненамного старше её, а она уже всё же не ребёнок, совсем не ребёнок. Девушка разомкнула слипшиеся сухие губы, горячо выдыхая и боясь чего-то чуть не до потери сознания. Вдруг руке стало холодно и мокро. Кира охнула от неожиданности, переводя взгляд на ладонь, а рядом прозвучало тихое:

– тебе надо поспать, – и в голосе Дейна послушница слышала отрешённую горечь. А на ладошке потемневшая тучка пролилась грозой. Влага падала на кожу, просачивалась между пальцев. Маленькое, но такое красивое проявление магии. Кира улыбнулась, наблюдая, как тучка становится с каждой секундой всё светлее и меньше. Девушка зевнула, на

этот раз совершенно точно зная причину её зевоты, но не сопротивлялась этому. Последнее, что она успела почувствовать – это то, как руки Дейна подхватили её, заваливающуюся набок, а затем он с лёгкостью поднялся, прижимая её к себе и шагая в сторону лестницы.

Она проснулась ранним утром. Отдохнувшая, разнеженная, Кира не желала вставать из кровати и лёжа на боку, смотрела на редкие всполохи углей в камине. Сквозь щели закрытых ставень пробивался серый рассвет. Девушка перевернулась на спину, щелкая пальцами и призывая световой шарик. Он наполнил комнату рассеянным холодным светом. Нужно было вставать, собираться, приводить себя в порядок. Но так не хотелось. Если бы можно было остаться здесь, лежать в кровати, а вечером снова спуститься вниз и найти там Дейна... Такое глупое, щекотное чувство, заставляющее Киру сворачиваться в клубок и прятаться от самой себя под одеялом. И, возможно, она бы действительно пролежала так весь день, но в дверь поскреблись, а после та распахнулась. Напротив ожидания увидеть Шинаю, Кира, высунувшись наружу, нашла взглядом Филипа.

– Вставай, собирайся. Мы завтракаем и уходим. – Полурослик зашёл внутрь и подошёл к кровати. – Вот. Дейн просил тебе передать. – Он протянул девушке булавку с серо-синим камнем с прожилками. – Это апатит, как он сказал. Чтобы

ты не забыла ту бурю, что гналась за тобой. Какое-то странное пожелание, но моё дело передать... – Фил замялся. – У вас... как бы это сказать.

– Ничего такого, – прошептала Кира, скидывая одеяло и откидываясь на подушку, а потом зачем-то выложила всю правду, – он сказал, что на нём «проклятье привлекательности». И мы просто... встретились внизу. Не спалось, – ей хотелось бы, чтобы последняя фраза прозвучала обвинительно, но голос был жалким и слабым. И даже если Филип понял о чём она, то не смутился, усмехнувшись.

– Вставай. Шиня сказала, что прислали постиранные вещи, они в коридоре в тюке стоят, забери. И давай, приводи себя в порядок, спускайся. Корабль отходит через три часа. Погода отличная, ветер попутный.

Кира кивнула, а Филип отошёл от кровати, шагая в сторону двери. И почти выйдя в коридор, он чуть повернулся и не глядя на девушку, проговорил:

– нет никакого «проклятия привлекательности», кроха, точнее, есть конечно, я сам от него страдаю, но... не в случае с Дейном. Он просто тебе понравился.

И не сказать, что это стало открытием, конечно нет. Кира

не была дурой, но брошенное вот так в лицо, это чувство ударило прямо в живот, заставляя девушку съёживаться и снова накрываться одеялом. Впрочем, долго она не пролежала, выползая из кровати и принялась собираться.

Сначала привела себя в порядок над тазом. Вода в кувшине была холодной, но это даже к лучшему. Она почистила зубы, обмотав палец вытащенной из мешочка тряпицей и обмакнув его в порошок, что скрывался в крошечной коробочке. Расчесалась и заплела косу, забрала из коридора чистые вещи, разложила содержимое сумки и перебрала всё, поднимая то, что может понадобиться на корабле наверх, а всё ненужное убирая вниз. Булавку она приколола к высохшему плащу, который перекинула через руку, после того как переделалась, собралась и готова была выходить.

Внизу её ждал завтрак. Не такой разнообразный, как предыдущее приёмы пищи, но сытный и вкусный. Филип и Шиная тоже переделались и выглядели посвежевшими и готовыми к путешествию. Поели в молчании, а после двинулись в путь. Ехать в порт верхом смысла особого не было, поэтому с лошадьми пришлось прощаться. Кира долго обнимала Пряника, почему-то именно сейчас остро ощущая, как далеко она от храма. Рёбра стягивало неясной тоской, а ещё – горькой обидой, потому что в этих сборах, прощании и всей утренней суете она нигде не увидела Дейна. Даже жри-

ца Сальмия пришла попрощаться, уверяя, что коня отправят обратно в храм ближайшим караваном. И бургомистр был здесь и желал скорее добраться до материка Воды. Но маг не пришёл.

Глава города выделил им повозку, на которую троица и загрузилась, покидая таверну, лошадей и людей, что были к ним добры. Кира злилась, теребила брошь, но стоило им повернуть на широкую дорогу, что спускалась напрямую в порт, руки послушницы сжались в кулачки от представившегося зрелища. Впереди раскинулось сверкающее полотно моря. Серо-стальное, сверкающее чуть розоватым от поднявшегося солнца, море простиралось до горизонта. У берега виднелись корабли, сновали туда-сюда люди, загружая суда.

К одному из них и подъехала повозка. Шиная и Фил соскочили вниз и шагнули в сторону шумной компании. Кира же смотрела по сторонам. Корабль возвышался над причалом, ней самой, и даже ближайшими строениями, чуть покачиваясь и скрипя. Стало страшновато, но восторг вытравил страх. Её спутники вернулись к повозке:

– Отправляемся через час. Бургомистр выделил нам отдельную каюту, – проговорила Шиная

– Скорость у него, говорят, зверская, а добавь сюда ещё магию, да мы долетим не успеешь моргнуть! И какое красавец, ты видела? А паруса! – восхищался Филип, забравшись в повозку и передавая женщине вещи. Кира спрыгнула вниз, забирая свои сумки. Вместе со спутниками, она шагнула к кораблю, всё ещё не веря на самом деле, что вот-вот отправится в путь. Но поднимаясь по шатающемуся трапу на борт, стараясь не смотреть на тёмные воды, что бились о тёмное дерево, она обернулась и посмотрела на материк. Раскинувшийся порт, ставший городом, а чуть выше – столица, где она так и не побывала. Матросы, торговцы, телеги, крики чаек, запах соли и рыбы. И совершенно ясное понимание пронзило девушку: «я сюда не вернусь», но Кира лишь улыбнулась ему, и сделала следующий шаг.

Глава 4

Всё то, каким Кира представляла себе своё первое плавание, все мечты о наблюдении за волнами, все желания услышать от моряков байки, все представления, как они втроем с Шинаей и Филипом будут проводить вечера за разговорами разбились о простой, вполне ожидаемый, в целом, факт – Киру укачивало.

Это проявилось не сразу. Наполненная восторгом и волнением, девушка, оставив вещи в каюте, поднялась на палубу вместе со своими спутниками. Те чувствовали себя настолько спокойно, что послушница была даже как-то возмущена: впереди плавание на другой континент, несколько дней морского простора, неизвестность! – а они? – что полурослик, что женщина выглядели и вели себя так, будто дел всего ничего: съездить несколько километров в другую деревню. И Кира, стараясь не показывать этого глупого возмущения и обиды, изучала неуверенно палубу, стараясь не мешать морякам, которые готовили корабль к отплытию. Она ничего не знала об устройстве судна, а поэтому наблюдать за уверенной и слаженной работой команды было очень интересно и увлекательно.

Но вот подняли якорь, и корабль тронулся. Не обошлось

без магии: паруса надулись, судно сильно качнулось сбоку на бок и устремилось вперёд. Кира же поднялась вместе со спутниками на корму и наблюдала за тем, как отдаляется берег. Люди на нём продолжали заниматься своими делами и мало кто смотрел на отходящее судно. Никому нет дела до того, что у белокурой девушки на борту в этот момент происходит внутри. Как колотится в страхе её сердечко, а во рту от ужаса собирается слюна. Как окажется совсем скоро – это не от ужаса. Это качка. Но пока Киру топит воодушевление и восторг, она не замечает, что это не страх сжимает желудок.

Когда берег превратился в тонкую полоску, вода вокруг стала темнее, а волны больше, послушница наконец-то повернулась вперёд. Взгляд её скользнул по гладкому дереву, попытался зацепиться за что-нибудь, но в ушах зашумело, а из желудка рванул наверх съеденный завтрак. Она быстро повернулась обратно, свесившись за борт.

А когда смогла наконец-то выпрямиться, ей стало ясно, что облегчение освобождение желудка не принесло. И всё, что осталось – добраться до каюты и завалиться в кровать. Спустя час или два тщетных попыток встать, Кира сдалась перед недугом.

Так и прошло плавание. В неё хорошо если удавалось залить воды или разбавленного вина, на которое хоть как-то

ложились сушеная рыба. Шиная замачивала сухую мяту, которую удалось выпросить у капитана, и поила этим девушку, а Филип старался хотя бы как-то развлекать почти всё время спящую послушницу в моменты, когда она бодрствовала. Каждый день докладывал, сколько они уже проплыли, обнадеживал тем, что ветер попутный и заклинания сильные, и никаких задержек быть в пути не должно.

Их и не было. Услышав крики чаек, а следом получив от полурослика подтверждение, что они приближаются к земле, Кира чуть не заплакала от обиды: она так хотела встречать неизвестный мир твёрдо стоя на ногах, а ей едва хватает сил чтобы самостоятельно подняться с кровати. По мере приближения корабля к берегу, она слышала всё больше голосов, лай собак, стук молотов, какие-то скрипы и шелест волн. Где-то там, вне этой деревянной бочки, как мысленно про себя прозвала каюту Кира, жизнь кипела и ей не было никакого дела до трагедии послушницы.

Корабль сбавил ход, по палубе бегали моряки, а в каюте Кира наконец-то смогла сесть и наблюдала за тем, как Шиная собирает вещи. Звонкая монета в карман одному из матросов, и он взял на себя вещи. А Шиная помогла девушке подняться. Похудевшая, ослабшая, она аккуратно переставляла ноги и с лестницей наверх справилась только благодаря морякам, что подхватили её и вытянули на палубу. Ко-

рабль покачивался едва-едва, наверняка удерживаемый водной магией, но Кира шла осторожно, отвыкшая от спокойной поверхности.

И от солнца. Утро было ясным, девушка щурилась на свет. А ещё было точно теплее, воздух бы более влажным, наполненным незнакомыми запахами и будто бы был другим на «вкус».

– Идём, кроха, – на удивление крепко подхватив её под руку и позволяя на себя опираться, Фил потянул девушку к трапу, где только что скрылся с вещами матрос.

Кира ощущала себя ужасно. В одежде не по погоде, с нечёсаными волосами, худая и жалкая, она совсем не такой хотела предстать перед людьми в порту. Впрочем... им похоже было всё равно на троицу, что спустилась с прибывшего корабля. Куда больше их интересовали товары, с которыми этот корабль прибыл.

Кира осмотрелась. Их никто не встречал. Это было хорошо, но было такое чувство, что их буквально никто не ждёт. Вроде как и не должен их никто ждать, но вот это ощущение равнодушной толпы было у Киры впервые. Она продолжила крутить головой. Порт тут был куда больше. Или просто более оборудованный? Нет, всё же больше. Рядом с их кораб-

лём стояло судно с огромными мачтами, белоснежными парусами и поднятым над кормой флагом королевского дома. Она второй раз в жизни видела символ королевской семьи на чём-то отличном от монет. На белоснежном фоне с синей окантовкой два золотых крыла вокруг поднятого меча с синим эфесом, а в верхних углах солнце и синий полумесяц. Корабль абсолютно точно прибыл с Центрального материка. Возможно, из главного порта. И Кире вот так просто удалось застать его, совершенно случайно в порту Водного материка. А с другой стороны... жизнь ведь не строится вокруг неё и её истории, верно? Храм Света – достаточно обособленное место и он лишь часть этого мира, а не его центр. И сейчас Кира поняла это с какой-то новой для себя стороны. Пока неуверенно шла вперёд по непривычно неподвижной поверхности, пока смотрела по сторонам. Тут было по-настоящему людно. Торговцы, горожане, грузчики, моряки, стража – все занимались своими делами, не обращая никакого внимания ни на их группу, ни на неё конкретно. Это немного удивляло, Кира думала, что её «воздушная» внешность будет привлекать внимание, и это может принести определённые трудности, но... всем было всё равно. Но справедливости ради в порту были не только люди. Остроухие эльфы, полуэльфы, дварфы и полурослики, хотя в большей массе всё же были люди. Люди Воды преимущественно, держащиеся с прочими в спокойном отстранении, но охотно взаимодействуя друг с другом. В их словах, движениях, взглядах

чувствовалось отношение «водников» к другим, их деление на своих и чужих. Поэтому, видимо, на воздушницу Киру никто и не обращал внимания, ведь проявлять к ней открытое внимание ниже их интереса. Впрочем, отойдя подальше и рассмотрев как следует окружающих, послушница поняла, в чём ещё может быть причина. Воздушники встречались и здесь. Светловолосые мужчины, женщины, даже дети то и дело проскальзывали между преимущественно темноволосыми водными. А потом Кира вспомнила, что удивляться этому не стоит. Придерживающиеся достаточно строгих правил в отношении кровосмешения, «водные» относились к союзам с воздушными собратьями достаточно лояльно. С остальными же старались в брак не вступать, стремясь сохранить чистоту крови. Впрочем, такая строгость была не всегда. Когда-то водники запросто сходились с другими, разъезжались на другие материки или оставались здесь. И в какой-то момент водная кровь настолько разбавилась, что во имя её сохранения решено было запретить браки с кем-либо кроме себе подобных. Это, конечно, привело в дальнейшем к обратным проблемам, и на союзы с воздушниками стали смотреть сквозь пальцы.

И, видимо, из-за того, что воздушники ярко выделялись в толпе, Кира почувствовала, что она на самом деле далеко от дома. Люди вокруг были выше, казались более сильными. У них была такая же светлая кожа, но волосы были чёрны-

ми как смоль, густыми, прямыми, заплетёнными в косу или обрезанными достаточно коротко. В их движениях не чувствовалось лёгкости, присущей воздушникам, но зато была плавность и сила. Водники легко находили свой путь в толпе, даже будучи гружеными товаром или чем-то ещё. Они проскальзывали мимо, умудряясь протиснуться в такие щели, куда, кажется, даже худенькой Кире не пролезть.

Даже стража обладала подобным умением. Просачивалась сквозь толпу, не мешая людям заниматься своими делами, но явно следила за происходящим.

Неожиданно толпа расступилась. Стражники вдруг начали оттеснять всех в стороны, давая кому-то дорогу. Народ, едва ли отвлекаясь от своих дел, расступился. Кира попыталась вытянуть голову, но многие вокруг были выше, и ей никак не удавалось рассмотреть, что происходит. Её схватили за руку и потянули вниз, а следом вперёд и девушке ничего не оставалось, как устремиться следом, пытаясь за быстрым темпом не потерять равновесие на ещё слабых ногах. Судя по хватке на запястье – это был Филип. Он вывел её в первый ряд и оставил одну, чтобы позволить увидеть, перед чем стража разгоняла толпу. Точнее, перед кем.

Сначала она испугалась, увидев прямо перед собой крупных белых волков. Но через секунду увидела, что не диких

зверей гонят в сторону кораблей.

– Эльфы из Сумрачного Леса, – раздался над ухом голос Шинаи. Кира повернула к женщине голову, хмурясь и силясь вспомнить, что она знает об этом народе. А потом повернулась к процессии. Эльфы... Под серебристыми стягами, верхом на больших волках, десять эльфов верхом, и ещё как минимум столько же вокруг пешком. Послушница рассматривала необычную процессию, ощущая странное движение магии. У сумрачных эльфов она была своя, лишь в малой степени они владели магией воды, да и скорее не обучаясь, а имея как всякие эльфы, высокую чувствительность к энергетическим токам мира и умея ими пользоваться.

– Эльфийская принцесса отправляется с делегацией в Столицу Солнца, – проговорил Филип, который появился с другого бока.

– Откуда ты знаешь? – спросила за спиной Шиная

– Стражник сказал. Вон, в центре она, принцесса Мей'нааль.

Кира увидела едущую на волке эльфийку. Невозможно сказать по внешнему виду, сколько ей было лет, но выглядела Мей'нааль совсем юной. Будь она человеком, Кира бы ска-

зала, что она её ровесница. Но девушке на волке могло быть и пятьдесят и сто лет. Её волк был крупнее прочих, на морде были серебристые украшения точь-в-точь как в длинных белых волосах принцессы. Глаза её были сапфирово-фиолетовыми, удивительно яркими и даже в светлый солнечный день казалось, что они магически светятся. Она не смотрела на толпу, что выстроилась по бокам от дороги, впрочем, это не казалось чем-то удивительным, ведь Сумрачные эльфы живут очень закрыто и не стремятся к постоянному общению с другими расами. Интересно, что толкнуло принцессу отправиться в Столицу?

– Идём, – потянула Киру Шиная, когда последние члены делегации прошли мимо и стражники прекратили оттеснять людей к краям дороги. Послушница шагнула к спутникам, позволяя им увести себя дальше. Ей стало легче, хотя слабость всё же давала о себе знать, а ещё в тёплой одежде было жарко. Хотелось скорее переодеться, а ещё хотелось пить.

– Куда мы идём? – спросила Кира, когда поняла, что её спутники идут мимо трактирной вывески.

– К другу, – улыбнулась Шиная, а Филип простонал. Кира нахмурилась:

– к другу?

– К *её* другу, – проворчал полурослик, – я бы остановился в таверне. В любой!

– ... поближе к публичному дому, – усмехнулась женщина, не поворачиваясь к Филу.

– Эй! Я имею право на личную жизнь! – возмутился он, а Кира почувствовала себя третьей лишней и не вовремя вспомнила об их последней ночи на материке Воздуха.

– Да кто же тебя ограничивает! – Парировала Шиная. – Но давай хотя бы уйдём из порта.

– Ага. Давай уйдём из порта, давай остановимся в другом месте, давай уже выйдем из города, ой, а вот и дом Полоски, а чего уже искать

– Не называй его так, – улыбнулась женщина

– Полоски? – спросила Кира, потерявшись в их разговоре.

– Да. Но не называй его так, – повернулась к ней Шиная, предупреждая. А затем обратилась к Филипу. – И никуда не надо идти, он держит кузницу недалеко отсюда.

– Дезит-зницу-нидаликё, – передразнил её Филип, а Ки-

ра улыбнулась. На Воздушном её спутники были куда серьёзнее, а сейчас похожи на старую женатую пару, ворчащую друг на друга. Хотя, может так оно и есть? Что их вообще связывает? Они же слишком разные!

– А зачем мы идём к Пол...к вашему другу? – спросила послушница. Она понимала, что ей мало что остаётся делать кроме как подчиняться решениям её спутников. Она была далеко от дома, на другом материке, не знала тут вообще ничего кроме как общей информации об обычаях народов, живущих на этой земле и примерного представления, как ориентироваться по карте, которую ещё, к слову, надо было достать из сумки.

– Ну. Во-первых, я давно его не видела, во-вторых, собрать информацию о том, что тут творится, в-третьих передохнуть и перевести дух, – ответила женщина. Киру сказанное удовлетворило, поэтому она замолчала, шагая следом. Дорога уходила слегка в гору, и довольно скоро на смену складским помещениям, торговым домам и прочим портовым заведениям пришли простые городские улочки. Хотя, слово «простые» Кира не могла позволить себе употреблять, она была в настоящем крупном городе впервые. И всё, буквально всё вокруг кричало о том, как много здесь жителей. И всем им нет никакого дела до троицы, что куда-то держит путь.

Кира вертела головой, теряясь и не понимая, чему уделять больше внимания. Она видела людей, понимая, что скорее всего их нахождение здесь по большей части сопряжено с близостью к порту, ведь корабли прибывают сюда со всего мира. И какие же они были разные! Светлокожие, как она сама, загорелые, с веснушками и без, с кожей чёрной, как эбонит, и сероватой, как у Шинаи, с глазами зелёными и яркими, и водянисто-серыми. Высокие, низкие, крупные и тощие, толстые и изящные, мужчины, женщины, дети, старики и юнцы, всё вокруг кричало о том, насколько огромен мир вокруг и как мала Кира по сравнению с ним. Ей, выросшей в замкнутом обществе, под сводами Храма, в окружении одних и тех же лиц по большей части, было так странно ощущать себя частью чего-то другого, разнообразного, шумного, интересного. Да даже её спутники! Ладно, с Шинаей понятно, она явно огненной породы, но Филип! Кто он? Дитя какого-то вырождающегося полуросличьего племени? Жертва «проклятья непривлекательности»? Плод чьей-то запретной любви? Ребягня на площади Осаха кричала «Гоблин! Гоблин!», может ли это быть правдой? Но Кира читала о гоблинах, они и в половину не так красноречивы, да и не особо высовываются со своей территории. Может ли полурослица понести от гоблина? Или наоборот?..

– Так, Кира, – обратилась к ней Шиная, вытаскивая из

задумчивости. Они остановились у крыльца какого-то дома. Девушка осмотрелась. Судя по приколоченному к стене кузнечному молоту, служащему опознавательным знаком, они пришли куда надо. Послушница взглянула на спутницу, а та, удостоверившись, что её слушают, продолжила. – Я понимаю, что тебе всё в новинку, но, пожалуйста, веди себя прилично.

– В смысле? – нахмурилась Кира, наблюдая, как Шиняя поднимается к двери и стучится. Девушка посмотрела на Филипа, который сел на первую ступеньку крыльца и пощипывал сухую прошлогоднюю траву, торчашую откуда-то. Не получив никаких объяснений, девушка снова посмотрела на дверь, которая спустя ещё какое-то время приоткрылась. Внутри было темно, и разглядеть, кто стоит на пороге не получалось.

– Да неужели, – раздалось из темноты. Кира нахмурилась. Речь звучала грубо, с чётким выделением слогов и заметной грубой шепелявостью.

– Тсахир, – протянула Шиняя, совершенно не смущённая сомнительным тоном.

– Не хочу знать, где ты... – невидимый собеседник вдруг остановился. Кира подалась вперёд в попытке рассмотреть

говорившего, как вдруг он показался сам. И больших сил стоило девушке удержаться на месте, и удержать рвущийся изнутри удивлённый возглас. Из темноты дома на крыльцо высунулся фоса. Огромный, согнувшийся, чтобы пройти сквозь дверной проём, и распрямившийся во весь немалый рост. Он был не меньше двух метров высотой, с широкими плечами, крупной головой с чуть укороченной мордой, внимательными желтыми глазами, и что самое главное – с ног до головы в богатом чёрно-рыжем полосатом мехе, покрывающем его могучее тело.

– ...пропадала столько времени, – закончил фоса. Кира смотрела на тигра во все глаза. Она видела представительней кошачьего племени лишь однажды и то, в далёком детстве. Снежные барсы наведались в Храм, и Кира наблюдала из окошка, как Мать-Настоятельница разговаривает с ними во дворе. Высокие, изящные фоса в богатых одеждах были сравнимы с тем, кто стоял перед ней сейчас разве что принадлежностью к условно одному племени. Тигр был выше, мощнее, и стоял по пояс голый, если так вообще можно сказать об этом народе.

– Это Кира, – протянула руку к послушнице Шиная и подтащила ближе.

– Зд...здравствуйте, – кивнула девушка, задрав голову.

Тигр скосил взгляд, рассматривая её, а потом с шумом потянул воздух.

– Откуда ты её вытащила? – Он посмотрел за спину Кире, находя там Филипа, всё ещё сидящего на крыльце. – Впрочем... не отвечай. Что нужно?

– Когда это ты стал таким неприветливым, Полоска? – подал голос полурослик, а Кира похолодела, так как увидела, как дёрнулись длинные тонкие белые усы и приподнялась верхняя губа фоса.

– Когда тебя увидел, – сложил руки на груди тигр. А потом посмотрел на Шинаю. – Что тебе нужно, Ши'тца?

– Ничего кроме того, что я могу попросить у друга, – проговорила женщина. – Мы только с корабля, а впереди долгий путь. Где я ещё могу найти пристанище в этом городе?

Тигр помедлил. А потом шагнул вниз с крыльца, огибая и Киру и Филипа, и раскрыл ставни, закрывающие окно. В дверном проёме стало светлее, и когда хозяин вернулся на крыльцо, он зашёл внутрь и распахнул дверь перед гостями. Шиная подтолкнула Киру вперёд, и девушка зашла внутрь. Помещение было большим. На деревянных манекенах были выставлены доспехи в разной степени готовности, на стойке

с оружием находились мечи и топоры, а на гвоздиках в стенах висели подковы, ложки, сковородки и кастрюли.

– Дела идут хорошо? – произнесла Шиная, скидывая вещи и осматривая комнату.

– Не жалуюсь, – проговорил фоса и снова вышел из дома. Распахнул ещё ставни, и через окно Кира увидела, как на крытой террасе слева от входа располагается печь, большая наковальня, а с толстых потолочных балок свисают толстые цепи с крюками.

– А могли бы найти таверну, – заворчал Филип, садясь на сброшенные сумки

– Тебя никто не держит, коротыш-ш-шка, – прошипел фоса, вернувшись обратно. И помещение сразу сделалось меньше в его присутствии.

– Прекратите, – проговорила Шиная. – Тсахир, это Кира, она послушница Света, и по настоятельной просьбе Илеи нам поручили провести её по святилищам.

– Без процессии? Странно.

– Долго объяснять. Но у нас здесь три точки, и мне нужно

понимать, как пройти к ним как можно быстрее и безопаснее.

– Задача... – хмыкнул Тцахир.

– Именно. И поэтому нам нужна твоя помощь. Мне нужна.

– Мне не нужна, – вклинился Филип

– Замолчи, – огрызнулась Шиная, и снова повернулась к фосу. – Её *нужно* провести как можно быстрее.

– И насколько всё серьёзно? – склонил голову тигр, мельком посмотрев на Киру, которая не особо улавливала к чему клонится разговор.

– Вспомни Клёх, – тихо проговорила женщина, и по дёрнувшимся белым усам послушница поняла, что для Тцахира это не пустой звук. – А потом увеличь до масштаба Итирима.

– Клёх? – не поняла Кира, но замолчала под взглядом фоса. Тот смотрел на неё, и выражение на лице (или морде?) было не сказать что дружелюбным. Шиная подошла вплотную, опуская руку на плечо девушки.

– Уверена? – спросил женщину тигр, наконец-то перестав сверлить взглядом Киру.

– Да.

– И ты притащила это сюда? К полумиллиону жителей? Крепко тебя взяли за задницу, Ши’Тца, – глухо заворчал фоса, – что ты согласилась исполнять прихоть храмовой старухи!

– Эй! – вырвалось неосознанно у Киры, когда она поняла, что речь об Илее. Внутри заволновалось, кончики пальцев набухли тяжестью. На плече сжалась хватка Шинаи. Тигр ощерился:

– Что, Илея не смогла её прибить в младенчестве как поступали с прочими, и поэтому решила скинуть проблему на чужие плечи? – Продолжил он наседавать на женщину. Та оставалась невозмутимой, никак не реагируя на выпады. Кира почувствовала, как внезапно взвившаяся злость растворяется под непониманием. С кем – с прочими? Почему прибить?

– Послушай, Кира, – неожиданно раздался рядом голос Фила. – Составь мне компанию, а? Нам бы в дорогу подкупить одежды подходящей.

– Но... – забормотала девушка, не желающая уходить и оставлять Шинаю наедине с раздраженным тигром.

– Оставь, – хмыкнул полурослик. – Она его не съест, не переживай. Идём.

Девушка сокрушённо выдохнула, разворачиваясь на пятках и шагая к двери. Внутри снова забурлило. Но не злость на этот раз, а обида. Она распяляла щёки, дёргала недовольством. И по улице Кира быстро пошла вперёд, с твёрдым намерением убраться от кузницы как можно дальше, раз ей никто ничего не желает объяснять.

Правда, метров через сто стало стыдно за то, что даже не обернулась на Филипа, да и шла быстро, так что девушка остановилась, а после посмотрела назад. Полурослик непринуждённо шёл по улице и не выглядел так, что старался успеть догнать послушницу. На миг девушку затопило возмущение, ведь она тут стыдится, что спутник отстал, а он прогуливается! Но после стало смешно. Когда Филип поравнялся с ней, то спросил:

– полегчало?

– Чуть-чуть, – не стала Кира прикидываться, что не пони-

мает о чём речь. Казалось, Филип видит куда больше, чем показывает. – Мы на самом деле идём на одежду?

– Да. Платье не подходит для здешних мест. Да и крестострел, знаешь ли, вещь приметная. О чём Илея только думала, одевая тебя...

– Что он имел ввиду? – перебила полурослика Кира. – Когда сказал про то, что... «прибить в младенчестве как прочих» или...

– Ох, кроха, не мне тебе это рассказывать, – покачал полурослик головой.

– Почему? – не отставала послушница, – а кому это мне рассказывать, и что «это»? Кого Илея прибивала в младенчестве?

– Илея? Думаю никого. Тут ведь, понимаешь, в чём дело... Дело тут вовсе не в убивании в младенчестве, не в младенцах, и не в том, что сделала или не сделала Илея, – принялся юлить Фил, – да и сказано было так, чтоб жути нагнать, ты не слушай Полоску, он старый ворчливый кот, у него за спиной немало всякого, и, о! Вот и пришли, давай, вот сюда нам точно надо.

Филип потащил Киру в сторону, к открытой лавке, на деревянной вывеске которой была вырезано игольное ушко, через которое продевалась такая же вырезанная нитка. Девушка послушно зашла внутрь, прокручивая в голове сказанное полуросликом и пытаясь что-то из этого понять.

– Доброе утро, любезнейшие! – раздался приветливый голос и из-за плотного занавеса в зал лавки выплыла необъятная дама в пышных юбках.

– О, добрейшее утро, Ваше Великолепие! – заворковал Филип, а после и вовсе шагнул к женщине, взял её руку и приложился губами к тыльной стороне.

– Каков нахал! – с деланным возмущением выдохнула она, и Кира на секунду растерялась, пытаясь ответить себе на вопрос, а знакомы ли эти двое или это всё происходит впервые.

– Нам требуется сменить этой юной девушке одежду на что-то более пригодное для похода по лесам и горам.

– Вот это? – Женщина подошла к Кире и жестом показала на неё с ног до головы. – Прятать в рубаху и брюки? Какая жестокость! Это нужно одевать в платья, утягивать в корсет, хотя что тут утягивать... Бедная девочка, ты вообще знаешь, что такое еда? Её что, не кормят?

– Кормят, – пискнула Кира.

– Вздор и чушь! Проходи вон туда, в комнату. Лаэртен снимет мерки и мы подберём что-нибудь подходящее твоему щуплому жалкому тельцу.

Кира шагнула в указанную сторону, осторожно отодвигая в сторону занавес, отделяющий основной зал и рабочее пространство. От стола, на котором лежало немало ткани, повернулся темноволосый мужчина. Кира, которая изначально увидела лишь его спину, удивлённо уставилась на уточнённое эльфийское лицо со светло-серой кожей и такими же светло-серыми глазами. Взгляд неосознанно скользнул к закрывающим уши волосам, но торчащих кончиков заметно не было.

– Пожалуйста, подойди ближе, – мягко попросил мужчина, и послушница поняла, что серые глаза оттого серые, что слепые. Стало совсем неуютно, но она приблизилась к столу. – Я должен прикоснуться к тебе, чтобы понять, какая одежда тебе нужна. Хорошо?

– Да, – закивала Кира, а потом осеклась, стыдливо поджав губы. Эльф встал, держась кончиками пальцев за поверхность стола, а затем быстро и практически невесомо принялся

ся касаться девушки, шепча что-то себе под нос. Он попросил расставить руки, ноги, вытянуть руки вперёд, поднять одну ногу, а затем опустить и поднять другую. И всё это время он так или иначе касался её, не пользуясь никакими измерительными приборами кроме собственных рук.

– У меня есть подходящая одежда для тебя. Кроме сапог, но дальше по улице найдётся мастерская. Ступай, я вынесу одежду.

Он сел обратно за стол, естественным движением убрал волосы за ухо, и Кира увидела, что кончик его уха грубо срезан. Она распахнула глаза, делая шаг назад, а потом буркнула «спасибо» и выскочила из-за занавески.

– Ну что, кузнечик, подобрали тебе что-нибудь?

– Да. Сказали, ну, подождать.

– Ну так жди! Садись вот сюда. У тебя очень красивое платье. А цвет. А ткань!

– Мы оставим вам, прелестная госпожа, – протянул Филип и подмигнул Кире, что в недоумении на него уставилась. – Зачем нам тащить лишний груз в нашем путешествии, а Вы сможете распороть платье и сшить что-то другое.

– Точно! Северные ткани всегда в цене. К следующей зиме у меня с руками оторвут вещицу из неё.

– И все в плюсе, – довольно улыбнулся полурослик.

Занавес отодвинулся, и в зал вышел эльф, держа в руках сложенную одежду.

– Возьми, и зайди переоденься, – указала женщина. – Лаэртен никогда не ошибается в размерах, и я уверена, всё сядет безупречно.

Кира забрала у эльфа одежду и скрылась в соседней комнате, боязливо косясь на занавес. Он казался непроницаемым. И здесь она вроде была одна. Несколько мгновений помывшись в нерешительности, девушка всё же стянула с себя платье и влезла в другую одежду, которая действительно прекрасно села. Мягкая кофта мелкой вязки, удобные штаны на шнуровке, тонкая плотная стёганая жилетка, которая завязывалась на кожаные шнурки. Одежда была сизо-серого цвета, не стесняла движения и явно подходила под погоду на этом материке куда лучше, чем её платье и плотный северный плащ. Кстати, плащ нужен другой. И обувь тоже, в её сапогах будет слишком жарко. Кира сложила своё платье, плащ, отколов предварительно булавку, и вышла в торговый

зал в обновках, неся свои вещи в руках.

– Ну! Совсем другое дело! Хотя, нет, платью хотя бы скрывало твою худобу, а сейчас это всем видно.

– Подошло? – тихо поинтересовался слепой эльф.

– Да, всё отлично, спасибо! – искренне улыбнулась Кира, осекаясь, так как он не видел улыбки. Она отдала вещи Лаэртену и шагнула к Филипу.

– Спасибо, – повторил тот. – И простите, с превеликим удовольствием составил бы вам компанию, но нам нужно идти.

– Понимаю, дорога зовёт, – выдохнула дама. – Но надеюсь, мы ещё увидимся?

– Всенепременно! – заверил её полурослик и ещё раз приложился к тыльной стороне пухлой кисти. – Идём, кроха.

– Всего доброго! – повернулась от двери Кира, успев увидеть, как эльф с её платьем в руках скрывается за занавесом. Слепой портной. Разве такое может быть? И что с его ухом? Могла ли эта дама его обидеть? Или нет? Кира поняла, что от вопросов её голове сейчас лопнет. И подалась к Филипу:

– это ваши знакомые? Почему он слепой? Как он работает? А она, кто она? Хозяйка? Рабовладелица?

– Помедленнее, Кира! – вскинул руки Филип, шагая дальше по улице. – Во-первых, про рабов давай потише. Водные страсть как не любят, когда об этом говорят вслух, потому что рабства тут вроде как нет. Формально. Это вон про Огненный, там на каждом шагу не любой вкус. Тут – нет. Она хозяйка, владелица этой лавки, он – портной. Один из лучших в городе по моему мнению. Слепой... Потому что в мир полон дерьмовых ребят и хорошим ребятам иногда придется иметь с ними дело. Лаэртен – хороший эльф. Но и с хорошими эльфами случаются плохие вещи. Пришли, заходи.

Кира подняла взгляд, которым сверлила висок Филипа, пока он говорил, и увидела, что они подошли к кожевнической мастерской. Девушка шагнула следом за полуросликом и через несколько секунд осматривалась в помещении, где отчётливо и очень приятно пахло кожей.

– Доброго дня! – Подал голос Филип и из подсобного помещения вышел высокий мужчина. Он вытирал руки замызганной тряпичкой и чуть хмуро рассматривал посетителей.

– Здравствуйте, – кивнул Филип и получил кивок в ответ. – Нам бы опоясать вот сию юную госпожу. – Он повернулся к Кире и схватил её за руку, вытягивая вперёд. – Чтобы и подсумок и ножны с кинжалом, и кошель приточить можно. Но в движениях чтобы не стесняло, держалось крепко. Соответственно и кошель и подсумок тоже нужны. Под неё.

Кира, не понимающая, зачем ей это всё, стояла растерянная, глядя на молчаливого мужчину. Тот кивнул, отёр руки, заткнул тряпицу за пояс и, взяв с одной из полок измерительную ленту, подошёл к Кире. Сняв мерки, он обратился к Филипу:

– Будет готово через два часа. – И на этот раз пришла очередь полурослика кивать, а после брать Киру за руку и выходить на улицу.

– Зачем мне пояс с подсумками? И кинжал? Я не умею пользоваться кинжалом! Я не хочу никого убивать и резать!

– Что, и хлеб не отрежешь? – усмехнулся полурослик.

– Ну, отрежу, конечно, – забормотала послушница.

– Знаешь, кинжалы не только для того, чтобы ими кого-то убивать и резать, вообще вещь-то в хозяйстве полезная. –

Продолжал веселиться Филип. – Не знал, что ты такая кро-
вожадная!

– Да я же!.. – Начала защищаться Кира, а потом махнула
рукой. – Ладно... Что мы вообще должны купить здесь? Вы
сказ...

– Слушай, Кира, перестань мне «выкать», это очень стран-
но звучит. И внимание привлекает.

– А к-как тогда? – засмушалась послушница.

– Ну, я вообще представлялся, но давай ещё раз. Меня
зовут Филип

– С одной «п», – улыбнулась она, вспомнив то утро, когда
они с Шинаей появились в её комнате.

– Именно. Так что по имени и на «ты». Хорошо?

– Хорошо. Так... что нам ещё нужно? Ты сказал, что нам
нужно купить подходящую одежду в дорогу.

– И мы её купили, – кивнул полурослик.

– Это мне, а вам... с Шинаей? – нашлась девушка.

– У нас всё есть. Тем более, она однозначно найдёт что-то у Полоски.

– У вас с ним взаимная нелюбовь? – вдруг спросила Кира.

– Что ты, у нас с ним любовь. Просто мы оба гордые и независимые и никогда в подобном не признаемся. Но он от меня без ума.

– Как дамочки? – Неожиданно для самой себя спросила послушница и не удержала смешок.

– О да! – засмеялся полурослик. – Давай вон туда. Может, удастся подобрать тебе сапожки по ноге, и потом уже обратно. Если ты не хочешь, конечно, пройтись рыночным рядам.

– Хочу, – призналась Кира, – но разве нас не ждут Шиная и Тсахир?

– Подождут. Им есть о чём поговорить, они не виделись несколько лет. Так что, пусть побеседуют. Мы не спешим, кроха, во всяком случае не так, что сойдя с корабля должны бежать прочь из города как можно скорее.

– Тогда... на базар? – улыбнулась девушка. Ей на самом деле этого хотелось. Конечно миссия была важна, и её Путь

и святилища, но разве она не может чуть-чуть отвлечься?

– Сначала к сапожнику.

Сапожником оказался сухой мужчина с загорелой кожей, цепким взглядом зелёных глаз, и широкой улыбкой. Сняв мерки с ноги Киры, он сказал, что сможет подобрать несколько вариантов из готовых сапогов через полчаса, и нужно будет прийти мерить. Договорившись, Послушница и полурослик покинули мастерскую и двинулись в сторону рынка. Шум и гам от него слышался уже на подступах, и Кира в нетерпении рвалась вперёд, ускоряя шаг.

День разгорался, на улице ощутимо пахло весной, чистое голубое небо над головой, поднявшееся солнце, согревающее землю и горожан ласковыми лучами. Всё вокруг говорило о том, что мир цветёт, мир пережил зиму и готов к новому, яркому.

Они вышли к рыночным рядам, которые больше напоминали ярмарку, чем просто торговые ряды. Здесь и пахло едой и звучала музыка и зазывалы каждый на свой мотив завлекали людей. Предлагали свежую рыбу и рыбу жареную, морских гадов, напитки, свежие лепёшки, которые пеклись на горячих больших сковородах, стоящих на жаровнях прямо на улицах.

Кроме продуктов тут продавали ткани, украшения, шерсть, даже овец, в которых Кира признала тонкорунных северных. Неужели стадо овец можно перевезти по морю? С другой стороны, почему нет?

– Ты голодная, кроха? – Спросил Филип, перекрикивая гомон, – ты несколько дней практически ничего не ела, так что...

– Да, я не против, – закивала послушница, в которой все витающие запахи пробудили всё же аппетит.

– Идём, – позвал её за собой полурослик, и девушка заспешила следом, стараясь не отставать и ни в кого не врезаться. В новой одежде она чувствовала себя куда лучше, хотя и запрещала себе думать о том, что ей сначала не мешало бы помыться, а потом уже одеваться во что-то чистое. Всяко – это лучше, чем продолжать преть в платье, в котором провела всё плавание.

– Две порции рыбного супа и лепёшку! – Попросил у торговца Филип, и Кира согласно закивала. Суп сейчас будет кстати, хотя она бы предпочла куриный, но близость порта говорила о том, что рыба тут должна быть свежей. В храме свежую морскую рыбу ели только зимой, когда довести её,

укутанную в снег, было не особо трудной задачей. А вот летом приходилось обходиться речной и озёрной, которую ловили и привозили к Храму от ближайших озёр. И она была не такой вкусной, как морская.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.